

ВЛАДИМИР ПАВЛОВ

Тайна бункера №7

ВЛАДИМИР ПАВЛОВ

**Тайна
бункера
№7**

П о в е с т ь

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАСТАЦКАЯ ЛІТАРАТУРА» МИНСК 1972

Перевел с белорусского В. Идельсон
Рисунки Н. Прокопенко

ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ

*Был ли фараон буржуем? Письмо из Германии.
В гостях у лесника. Дубок в каске*

Уже несколько минут, как прозвенел звонок, а Григория Васильевича, классного руководителя 5 «Б», все не было. В классе шумно. И неудивительно, ведь закончились занятия. Люда Мелешко, или Милка, как зовут ее в классе, пыталась утихомирить тех, кто позади. Но разве кто-нибудь послушается?

Вон там Лютик снова о чем-то рассказывает и просто умирает со смеху. Неинтересно рассказывает Лютик. Только то и смешно, как он сам смеется.

Григорий Васильевич вошел в класс тихо. Он всегда ходил мягко, двери открывал неслышно. Очевидно потому, что во время войны он был разведчиком. Левая рука у Григория Васильевича не сгибалась, и он носил под ней классный журнал или портфель. С портфелем вошел он и сейчас.

— Здравствуйте, шестиклассники,— поздоровался учитель.

От неожиданности все ученики на какой-то момент замолчали, а затем радостно захлопали. Такое они слышали впервые.

— Шестиклассники!

— Ой, мы уже в шестом классе!

— Да, сегодня вы все переведены в шестой класс,— сказал Григорий Васильевич.

— И Витя тоже?— спросила Ленка Кудревич, и все повернулись сначала к Ленке, затем — на «камчатку», к Витьке.

— И Витя,— ответил Григорий Васильевич.

Мальчик молчал, низко опустив голову.

— А история?..— начал вдруг Лютик и умолк.

Григорий Васильевич задумчиво прошелся по классу, затем сел за стол.

— Вот пусть нам Витя и скажет, как это у него с историей получилось. Давай, Виктор,— забарабанил пальцами по столу Григорий Васильевич.

Витька встал. Все видели, как он волнуется.

Переживал за друга и Сережа. Витька начал говорить.

— Вы, Григорий Васильевич, спрашивали у меня на уроке про египетского фараона Тутанхамона. А вот я, когда учил, страшно разозлился на того буржуйского фараона — так он над рабами издевался. Я и не стал учить...

Все засмеялись.

— Ребята, кто ответит Вите, был ли Тутанхамон буржуем? — спросил Григорий Васильевич.

— Разрешите мне! — первой подняла руку Люда.

— Милка-зубрилка,— хихикнул Лютик.

— Замолчи,— сердито взглянул в его сторону Сережа,— всегда у тебя и нашим и вашим.

— И нисколько я не зубрилка,— обиделась Лю-

да.— Я все уроки учу одинаково. А ты, Лютик, с рогаткой всегда ходишь.

Все помнили, как пробирали Лютика на совете отряда за рогатку.

Но тут Люда проговорилась. На нее с любопытством посмотрел Григорий Васильевич. Какой Лютик, откуда Лютик? Это же Венька Новодворцев.

Венька Новодворцев был самым высоким в классе. Однажды на уроке ботаники изучали луговые цветы. Растение с длинным стеблем и желтым цветком называлось лютиком. «Точно, как наш Венька»,— сказал кто-то в шутку. Венька и вправду был долговязым, и волосы у него были почти желтые. «Лютик, лютик»,— подшучивали над ним на перемене, потому что всем это сравнение понравилось.

Люда назвала Веньку Лютиком при учителе. Смутилась, но все же объяснила, почему египетского фараона нельзя считать буржуем.

Потом говорил Григорий Васильевич.

— Витя признался мне как-то, что он любит только новейшую историю, любит читать про ее героев. Но герои ведь были и раньше. Чапаев, матросы «Потемкина», Кастусь Калиновский, декабристы, Емельян Пугачев, Степан Разин, Петр Болотников и так вплоть до восстания Спартака. И фараонов надо знать. Как же тогда прославлять героев, не зная, против кого они боролись?

Витька вздохнул.

— Давай договоримся, Виктор, что летом ты еще хорошенько подчитаешь учебник. К началу занятий в шестом классе мы с тобой побеседуем.

— Все-таки работа на лето,— сочувственно протянул Лютик.

— ...А помогать тебе летом будет...— Григорий Васильевич обвел взглядом класс.

— Пусть Сережа...— сказал Витька.

-- Вот и хорошо,— согласился Григорий Васильевич...— А сейчас есть у меня для вас, ребята, письмо. Издалека, из Германии. Письмо пришло в райком комсомола, оттуда передали его в наш исторический кружок. Упоминаются в этом письме и наше Засмужье, и наш лес Пожарница. Да зачем я, собственно, говорю, возьми, Люда, читай.

Люда Мелешко взяла из рук учителя листок бумаги, развернула.

«Здравствуйте,

незнакомые мне русские товарищи.

Пишет вам Ханс Линке, гражданин Германской Демократической Республики, первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле.

Когда началась война, меня мобилизовали в вермахт и отправили на фронт. Но я не воевал против братьев по классу. Я сдался в плен.

Однако я хочу рассказать не о себе.

Был у меня старший брат Гельмут. Он ненавидел Гитлера. Но на него также надели военную форму и послали на фронт. Служил он в строительной роте при дивизии СС «Мертвая голова». Сдаться в плен или перейти к партизанам не было никакой возможности. Об этом много рассказывал мне товарищ Гельмута...

В районе деревни Засмужье, в лесу Пожарница, под сильной охраной стояли тылы эсэсовской дивизии. Там гестаповцы учили и шпионов. В Пожарнице, как рассказывал товарищ Гельмута, был зловещий бункер № 7. Что это такое, ни он, ни брат не знали.

И вот при отступлении, когда «Мертвая голова» поползла на запад, эсэсовцы начали расстреливать тех, кто строил и знал о бункере № 7. Гельмут с одним товарищем (третьего эсэсовцы успели расстрелять) бежали и укрылись в болоте. Когда возле леса появились ваши войска, они вылезли из укрытия и сдались в плен. Но какой-то «партизан» вывел Гельмута из колонны, кото-

рая шла в Засмужье, крикнул: «Эсэсовский палач!» — и выстрелил в него. Что было дальше, мы не знаем. Товарищ Гельмута попал на пересыльный пункт, затем — в лагерь...

Сейчас у себя на родине мы строим счастливую жизнь, о которой мечтал когда-то и Гельмут.

Если известна могила моего брата, положите на нее хотя бы один цветок. Знайте, он не был фашистом, он был вашим другом.

С товарищеским приветом —
Ханс Линке, Дрезден, ГДР».

— Надо искать, — первым сказал Лютик.

— Кого? — спросила у него Ленка Кудревич.

— Известно кого, того, кто расстрелял Гельмута. Это был не партизан! Разве настоящий партизан мог так поступить с пленным?!

— А как ты его найдешь? — спросил Сережа.

— Давайте сделаем так, — начал Григорий Васильевич, — вы расспросите дома, может, кто-нибудь и помнит о таком случае. А когда пойдем в поход по партизанским тропам в середине лета, займемся детальными поисками.

В какую сторону ни посмотри, Засмужье окружают леса. Солнце всходит из-за леса и вечером скатывается за лес. Горизонт окаймован сплошной синей полосой, словно подковой. Посреди подковы — деревня. Ближе всего к ней большой клин леса, который называется Пожарницей. Рассказывают, что давным-давно в том лесу был страшный пожар. Правда, после пожара прошло много времени — в Пожарнице уже не найти горелых деревьев. Но название осталось.

...Письмо из Германии сильно взволновало Сережу и Витю. Они решили идти в Пожарницу на поиски бункера № 7, хоть и было немного страшновато: лес боль-

шой, а их только двое. Но ничего — вдвоем же, не одному. Два дня мальчики надоедали родителям и соседям своими расспросами про партизан, про таинственный бункер № 7, про расстрелянного пленного. Никто ничего конкретно не знал. В то время, о котором писал в своем письме Ханс Линке, в Засмужье почти никого не было. Каратели обложили лес блокадой, и люди прятались кто где мог. Один лишь старик Матей, когда ребята накопили ему для рыбалки червей, подобрел и кое-что вспомнил.

— Ходили в то время слухи, — припоминал дед, — что будто бы в наших лесах партизанский отряд в засаду попал. Погибли все.

— Дедушка Матей, — воскликнул Сережа, — а может, это в Пожарнице было?

— Может, и в Пожарнице. Я же говорю, что погибли все — никто не расскажет. Ну, идите, идите, а то мне всю рыбу распугаете. Рыба, она тишину любит. Идите...

Витькина мама, тетя Марина, даже засхала, когда мальчики спросили у нее про партизан.

— Кто видел или знает? Кто вам расскажет? Отец твой, — сказала она, обращаясь к Витьке, — о чем-то догадывался и все искал в лесу доказательства своему подозрению. Да и погиб, наверное, из-за этих поисков.

Да, это правда, умер Витькин отец. Через пять лет после войны. И с того времени растет Витька, «словно деревце недосмотренное». Так говорит его мама, тетя Марина. А отец Витьку любил и много рассказывал ему про партизан, про отрядную разведку, в которой был и он. «Один только раз не выполнил задания, — рассказывал Витькин отец. — Пошел на связь, а связываться уже не с кем было. Все полегли в бою. А тут и Красная Армия пришла. И дошел я, уже не партизан, а как солдат ее, до самого Берлина. Сколько лет про-

шло, а последнее партизанское задание, связь та, покоя не дает. Но об этом потом, сын, когда подрастешь. А сейчас уроки учи...»

На всю жизнь запомнил сын эти отцовские слова.

Вырос Витька, а отца нет. Два года назад пошел отец в лес, а обратно привез его лесник Сильвестр Яковенко. Привез без сознания. Когда подбежала докторша из амбулатории, только и успел прошептать Витькин отец: «Змея подколотая». А лесник рассказал докторше и милиционеру, что приковылял Витькин отец к лесной сторожке, а он, лесник, на лошади в обходе был. Долго ждал лесника Витькин отец, не мог сам идти. За это время нога, как бревно, распухла, потому что ужалила его в ногу выше щиколотки гадюка. «Ты скажи, холера,— возмущался Сильвестр Яковенко,— и нашла где ужалить!» Яд попал в кровь, и Витькин отец умер.

Вот тетка Марина и загоревала, когда мальчики стали собираться в лес. Но отпустила. Вдвоем — это не одному. Вдвоем смелее. Наказывала только, чтобы к вечеру вернулись домой.

...Лес пел на все голоса. В его шуме слышались покой и задумчивость, какая-то своя таинственность. Мальчики посерьезнели. Спускались в каждую лоцину, поднимались на каждый лесной пригорок. Долго молча ходили, зачарованные лесной красотой. Потом выбрались на березовую поляну.

Вокруг было светло от белой бересты. Легкий ветерок покачивал длинные, почти до самой земли, ветки.

Возле одной березы стоял на двух рогатинах выдолбленный из кругляка желобок. Надрубленный снизу ствол березы покраснел. Весной кто-то спускал с березы сок.

Присели на землю и только теперь почувствовали, как устали за полдня блужданий по лесу. Не

могли сейчас сказать, в какой стороне их дом. Заблудились.

— Я говори-и-л, давай метки на деревьях оставлять,— заныл Витька.— По отметинам бы и дорогу обратно нашли. Так партизаны делали. Мне когда-то папа рассказывал.

— Да разве на каждом дереве оставишь отметину! — ответил Сережа.— Давай лучше найдем самое высокое дерево и с него поищем деревню.

Мальчики тяжело поднялись с земли. Зашли в сосняк, выбрали самое высокое дерево, и Сережа вскарабкался наверх. Долез до самой макушки. Даже дерево закачалось.

— Ну что, видишь? — задрав голову, крикнул Витька.

— Нет, ничегошеньки не видно! — ответил ему с самой верхушки сосны Сережа.

— Эх! — вздохнул внизу приятель.— Слезай! Сережа спустился с дерева.

— Давай я погляжу,— предложил Витька.

— Лезь. Может, хоть дом лесника увидишь!

Но и Витька ничего не увидел. Спустился на землю, стряхнул от коры и мха штаны.

Снова пошли. Не будешь же стоять на месте. Хоть какую-нибудь дорогу надо искать.

Зимой с отцом Сережа ездил в Пожарницу за дровами. Останавливались тогда у Сильвестра Яковенки. Почему было не запомнить дорогу? Так нет же, укутался в отцовский кожан, замерзнуть боялся. Эх! А теперь куда податься? И вечереть начинает.

Недовольно посапывал рядом Витька.

Уже в сумерках мальчики снова выбились на березовую поляну и сразу же попадали на траву — устали. А темнота густела. Страшно становилось одним в лесу.

Вдруг в кустах треснула у кого-то под ногой сухая

ветка. Послышался кашель. Не успели мальчики вскочить на ноги, как перед ними уже стоял человек. От неожиданности человек показался огромным и страшным. В нем, и вправду, было что-то страшное. Черная борода, высокие сапоги на ногах, а на согнутой в локте руке — охотничье ружье. Это был местный лесник Сильвестр Яковенко.

— Дядя Яковенко! — первым узнал человека Сережа.

— А-а, так у меня тут и знакомые есть? — весело откликнулся лесник. Подошел ближе и наклонился над Сережей. — А чей же ты будешь?

— Мы с папой зимой за дровами приезжали...

— Зимой за дровами многие ездят, — все еще не узнавая, вглядывался Сильвестр Яковенко.

— ...Мой папа еще вам билет на дрова в дом приносил.

— А-а, — вспомнил лесник. — Так ты, наверно, Михайлы сын?

— Ага! — ответил за Сережу Витька. — Михайлы он.

— А ты чей же? — спросил лесник.

— Это Витька, мой друг, — радостно сказал Сережа.

Лесник помолчал, озабоченно покачал головой, почмокал в бороду.

— И о чем только родители думают, отправляя на ночь детей в лес? — И добавил: — Ничего не поделишь, пойдем ко мне...

Дом лесника стоял не так уж далеко от поляны. Шли каких-нибудь десять минут и — вот он. Над старой гонтовой крышей низко опустили свои ветки-руки мохнатые ели. Возле самых дверей лопочут листвой осины. Из-за густого березняка едва видны окна. Даже вблизи дом трудно было увидеть.

За сараем выступал сруб колодца. А над ним за-

драл голову журавль, черневший наискосок между деревьями. Около сарая стояла телега.

Перед дверью дома лежал плоский порог-камень. Мальчики приостановились перед ним, а лесник протопал вдоль стены, просунул руку в дырку. Наверное, там был шнур. И действительно, за дверью царапнул по скобам замок-здвижка.

— Заходите, гостями будете, — пригласил лесник и пропустил Сережу и Витьку в темные сени. Сам вошел следом. — Щупайте там щеколду, — приказал он.

Сережа нашел щеколду, открыл дверь и ступил через порог. В доме было почти так же темно, как и в сенях. Из-за подступивших деревьев свет через окна сюда не пробивался.

Мальчики остановились посреди комнаты. Лесник привычно прошел по дому, повесил на крюк в стене двустволку, снял пиджак и бросил на скамью. Подошел к столу, нащупал вверху лампу. Звякнуло стекло. Лесник подул в него, протер бумагой и чиркнул спичкой. Лампа качалась, и тени метались по сторонам.

Хозяин походил по комнате и присел к столу. Молча показал рукой на скамью, давая понять, что можно садиться.

— В ногах правды нет,— заметил он, когда мальчики уселись.— Как же это вы заблудились?

Лесник говорил так, что трудно было что-либо ответить. Не поймешь: то ли он просто спрашивает, то ли попрекает.

— Нет, мы, дядя, с Витькой в походе были,— ответил Сережа и начал рассказывать.

— А в лес пришли — заблудились,— вздохнул Витька.

— Заблудились,— задумчиво повторил Яковенко. Затем тяжело поднялся из-за стола, прошел к небольшому шкафчику, достал хлеб, сало.— С дороги оно и перекусить не мешает,— сказал он и подмигнул мальчикам.— Так что давайте, следопыты, подсаживайтесь к столу.

Никогда ни Сережа, ни Витька не ели с таким аппетитом. Даже носы вприсядку ходили.

А лесник Яковенко все расспрашивал. Потом откинулся спиной к стене и сказал:

— А я, хлопцы, кое-что знаю...

Сережа и Витька поперхнулись.

— Да, да, знаю,— откашлялся лесник.— Помню, немца того на лугу возле Засмужья убили. Пленных

выводили из леса, в колонну строили. А один красноармеец не выдержал. Уж очень, говорили, насолили ему фашисты.

— Так ведь тот же немец антифашистом был! — воскликнул Сережа.

Лесник развел руками.

— А кто ж его разберет, фашист он или не фашист. На лбу же не написано.— Помолчав, Яковенко спросил: — Тебя, кажется, Витей зовут?

Витька кивнул головой.

— Возьми, Витя, мой фонарик да сходи в сарай. Там в корзине, сразу за дверью, яйца лежат. Так ты принеси полдюжину.

— Мы уже не хотим есть, спасибо, дядя Сильвестр,— сказал Витька.

— Сходи, сходи,— приказал лесник.

Витька пошел.

— Так, говоришь, антифашист? — переспросил Яковенко.

— Антифашист. Так и в письме написано.

— В каком письме?

— Из Демократической Германии.

— А что еще в том письме написано?

— Просят, чтобы цветок на могилу положили, если могила найдется...

Тем временем Витька, подсвечивая себе фонариком, вошел в сарай. Сразу за дверью действительно стояла корзина с яйцами. А на стене над ней висел противогаз. Витька решил сначала, что это ему показалось. Посветил на стену еще раз. Нет, не показалось! Тогда он ощупал противогаз руками. Хотел даже снять и примерить. Но неудобно задерживаться.

Что подумают?

Он неохотно закрыл дверь и пошел в дом.

— ...Где же ты найдешь ту могилу? — сочувственно говорил лесник.— А цветок, чего ж, можно было бы

и цветок положить... Вот, слышал я, в городе курган бессмертия насыпали.

Сережа, а теперь уже и Витька согласно закивали головами.

— Вот и мне нужно горсть земли бросить на тот курган. Да все времени нету. Лес большой, а я один в нем, как волк.

Вдруг Сережа вскрикнул и вскочил на скамью. Витька взглянул на порог и побледнел, отбежал в угол к кровати. Лишь один хозяин, сложив на столе тяжелые руки, сидел в прежней позе. Он только повернул голову с черной бородой к порогу и усмехнулся.

Из подпечка выползала гадюка. Толстая, полосатая, страшная. Казалось, конца ей не будет: живой ремень все корчился, изгибался и полз. Вот она выползла вся, доползла до середины комнаты, подняла голову, подержала, покачивая, и поползла к скамье. Снова подняла голову, в одно мгновение обвилась пружиной вокруг ножки скамьи и потянула все свое туловище вверх. На скамье стояла миска с молоком. Гади-на растянулась, опустила голову в миску и начала лакать молоко. У мальчиков от такого зрелища мурашки поползли по телу, а зубы начали мелко стучать. Гади-на лакала молоко и все больше толстела, стала — словно надутая велосипедная камера. Вот подняла голову, всю в молоке, и замерла. Мальчики были ни живы ни мертвы. Такого отвращения, как сейчас, они никогда не чувствовали.

А гадюка, наевшись, стала, очевидно, дремать, потому что больше не двигалась. И тогда послышался голос хозяина:

— Антоша!

Гадюка шевельнулась, нехотя подняла голову, спустила ее со скамьи и тяжело шлепнулась на пол, благо было невысоко. Медленно поползла в подпечек.

— Не бойтесь, это не гадюка, это — уж. Антошей

его зовут. Приходил ужинать,— пробасил лесник. Голос его доносился до мальчиков будто из подземелья.— Уж не кусается. Дом стережет, чтобы гадюка не заползла. Гадюки ужей боятся. А Антоша ручной,— продолжал рассказывать лесник.— Правда, подлениваться стал. И плохо слышит. Состарился, нужен помоложе...

Хозяин долго говорил об уже, словно о человеке. И мальчикам совсем становилось тошно.

— Да ты слезай со скамьи, чего с ногами забрался? — сказал он Сереже. Дальше говорил, словно оправдывался: — Нужен ведь кто-нибудь возле дома. Собаку займешь — волк загрызет, кошку — лиса утащит.

— Вы бы перебрались, дядя Сильвестр, в деревню. Среди людей лучше,— посочувствовал Витька.

— Нельзя ему в деревню. Дядя Сильвестр тут партизанил. И семью его немцы, когда блокада была, в болоте утопили. Вот он и... — тихо проговорил Сережа.

— Ты смотри, знает,— сказал лесник и потер глаза, будто туда соринка попала.

— Так люди говорят про вас,— сказал Сережа.

— Было, было,— вздохнул Сильвестр Яковенко.— Мне про партизанство и вспоминать больно.

Теперь засопел Витька. Может, вспомнил прежние рассказы отца.

— Скажу я вам еще, хлопцы, о том, о чем мало кто знает. Может, только старики в Засмужье.

Мальчики притихли.

— Тут в сорок первом наши артиллеристы бой вели.

— Я об этом слышал от деда Матея, — оживился Витька.

— Слышал, так помолчи, не перебивай старших,— заметил лесник.

— Тише ты,— толкнул приятеля в бок Сережа.— Расскажите, дядя.

— ...Так вот, отступали от самой границы, откуда-то из-под Бреста. И пушки с собой тащили. Ночью, пока еще были снаряды, здорово фашистам прикурить давали. Стреляли и по машинам, и по эшелонам. Попугают немцев и — снова в дорогу. Красноармейцы лесами к фронту пробивались...

Гонялись враги за ними, а тут, в Пожарнице, настигли. Настигли на рассвете. Завязался бой. Не осталось уже ни одного снаряда. Да разве в лесу из пушки настреляешь, даже если б и были те снаряды? Одним словом, остались винтовки. А патронов тоже мало. Ну и — все...

— А пушки где их подевались? — спросил Витька.

— Пушки, известно, немцы забрали.

— Дядя Сильвестр, а вы что-нибудь слышали про «Мертвую голову» и про бункер № 7? — спросил Сережа.

— Чего не слышал, того не слышал, — прогудел лесник... — Я думаю, следы тех артиллеристов вам искать надо. Возле урочища Ямного бой был... А дома знают, что вы к леснику пошли? — переменял он вдруг тему разговора.

— Догадываются! — ответил Витька.

— Ну, если догадываются, тогда идите спать, — показал он на другую комнату за дощатой перегородкой.

Сережа и Витька быстро разделись и легли на жесткую постель лесника. Сильвестр Яковенко походил по дому, прибрал со стола и начал чистить ружье.

— Ты почему мне не сказал, что дядя Яковенко в партизанах был? — накинулся на Сережу Витька, когда мальчики с головой накрылись одеялом.

— Не сказал, не сказал! — разозлился Сережа. — Мог бы и сам знать об этом.

— А завтра на Ямное пойдем, ладно? — помолчав, снова спросил Витька.

— Ладно. Давай спать.

Ворочаясь, Сережа думал, что не такой уж нелюдимый дядя Сильвестр, как показался сначала. И партизаном был и много о чем знает.

А к Витькиным ногам все время лез уж. Мальчик испуганно открывал глаза. Ужа не было. Подпечек лесник прикрыл заслонкой, чтобы Антоша не выполз. Уже засыпая, Витька пожалел, что ничего не расспросил о своем отце.

Должен бы знать лесник и о нем...

Глухо шумел за стеной лес.

Назавтра первым проснулся Витька.

— Вставай, вставай, уже рассвело, — тряс он за плечо друга.

— А, что? — спросонья переспрашивал Сережа.

— День уже, вставай.

За окном все пело и ликовало. Сквозь верхушки деревьев пробивались солнечные лучи. Мальчики растворили окно настежь. Поеживаясь от утренней свежести, побежали во двор умываться. Там их и встретил хозяин.

— А-а, следспыты проснулись, — протянул он своим густым басом. — Умыться хотите? Я сейчас достану воды.

— Мы сами вытащим, — бросился наперехват Витька.

— Нет, нет! Вы — гости. А у меня не часто люди ночуют. Так что не перечьте.

И еще раз Сережа тепло подумал о хозяине лесного дома. Вспомнились рассказы теток-ягодниц, как они, находившись по бору и притомившись изрядно, всегда искали дом лесника, чтоб напиться воды. Возле колодца лесника ждало их ведро воды. И ковш стоял рядом. Был ли лесник дома или не был, а ведро воды ждало ягодниц, хоть на крышке колодца и висел замок. Еще тетки говорили, что Сильвестр Яковенко больно строг

в лесу. Если поймает самовольного порубщика, не миновать тому штрафа.

«Строгий человек, но справедливый», — так они обычно заканчивали разговоры.

Лесник принес воды, и мальчики умылись. Вытерлись рушником, который им также подал хозяин, наблюдали, как он смазывает оси колес, а потом все вместе пошли в дом завтракать.

За столом Витька чего-то мялся. Что-то хотелось ему сказать, но, видно, смелости не хватало. Наконец не выдержал.

— Дядя Сильвестр, если я вас очень-очень попрошу о чем-то, вы не откажете?

Лесник разгладил черную бороду, взглянул на Витьку.

— Гм, проси...

— У вас в сарае над корзиной с яйцами, видел я вчера, висит... — волнуясь, начал Витька, но лесник не дал ему договорить. Черная борода его подскочила вверх, послышался довольный смех.

— А-а, если тебе он нужен — бери!

Витька так бросился из-за стола, что едва не сбил с ног Сережу. А через минуту уже влетел в дом. Он сиял от радости. Сережа смотрел, еще ничего не понимая, то на Витьку, то на покрытую зеленой плесенью сумку в его руках. Какая там еда, если Витька раскрыл сумку и вытащил оттуда... противогаз! Резиновая маска с двумя окулярами. Ребристая гофрированная трубка, коробка. Настоящий противогаз!

А лесник, видя, как мальчики радуются его подарку, усмехнулся в бороду, сказал своим басовитым голосом:

— Берите, берите... Мне он не нужен.

Лесник Яковенко показал им дорогу домой. Приглашал заходить, когда наведаются они всем классом в Пожарницу. Долго смотрел вслед...

А мальчики от радости летели, словно на крыльях. Нашли березовую поляну. И здесь, как и по дороге, все примеряли подарок лесника. Противогаз был — как новый. Небольшой размер его пришелся впору и Витьке и Сереже.

Долго сидели в тени. А вокруг — разомлевший от жары таинственно тихий лес. И мальчикам казалось, что и партизаны когда-то сидели вот так, как они, вслушивались в тишину, обсуждали боевые дела.

Солнце двинулось с полудня, и Витьке с Сережей надо было подаваться в дорогу. Решили сначала отыскать Ямное. А в нем — место боя наших артиллеристов. Противогаз несли по очереди.

Лес густел. Чтобы не заблудиться и не плутать потом, оставляли метки. Стоило только присесть и посмотреть на кусты снизу, бросались в глаза надломанные ветки. Они свисали вертикально вниз.

Через некоторое время вышли на лесную дорогу. По ней давно никто не ездил — заросла травой, стала дернистой. Но в траве все еще проступали бывшие колеи.

Мальчики остановились. Та ли это дорога? Далеко в глухом лесу затерялась. Наверное, та! Потому что лучшей и не надо, чтобы пробираться к фронту. И ям и пригорков вокруг много. Ямное! А может, это окопы? Хотя когда было тем окруженцам рыть окопы? Если и окопы, то партизанские или те, что после гражданской войны еще остались. Разве мало войн катилось по их земле и на восток и на запад?!

Сережа и Витька решили осмотреть лес по обе стороны заброшенной дороги. Разошлись. Осторожно ступали по мягкому мху, обходили выворотни и бурелом. Приглядывались. Иной раз так далеко уходили, что эхо едва долетало. «Се-ре-жа, ау-у!», «Ви-итька, эге-гей!» Остановится кто-нибудь из них, прислушается, а с другой стороны тихо-тихо, и только будто листва

вдруг зазвенит: «у-у!» или «э-э-эй!» Наконец, устав, пошли навстречу друг другу.

— Мы сами ничего не найдем. Надо рассказать Григорию Васильевичу и всем классом прийти,— опускаясь на кочку, сказал Витька.

Сережа молчал. Друг был прав. Если что и осталось после того боя артиллеристов, всем классом найти будет легче.

Вдруг он быстро поднялся и, ничего не сказав Витьке, бросился через дорогу, к дубку. Дубок как дубок. Но вот Сережа нагнулся к земле и начал что-то разгребать возле деревца.

— Витька,— крикнул он.— Иди сюда!

С противогазом через плечо подошел Витька.

— Ты видишь, что это? — взволнованно спросил Сережа.

Витька опустился на колени рядом с Сережей.

— Дубок в каске! В солдатской каске растет дубок!

Мальчики быстренько разгребли сверху сухую листву и начали выковыривать землю из каски вокруг комелька. Очистили каску от земли до самого дна. Пробовали пошевелить, но каска не сдвинулась даже с места. Она глубоко вошла в тело дубка, и снизу деревце было как бы зажатым. Но и каска уже не выдерживала силы дубка. В трех местах наметились трещины. Они еще не дошли до краев, терялись чуть заметными волосками где-то на середине каски. Но они дойдут, обязательно дойдут! Дубок напряжет все силы и разорвет броню.

Сережа вздохнул.

— Наша каска, советская. С оттопыренным козырьком сзади. Такие когда-то красноармейцы носили. Помнишь, мы в музее видели, когда в город на экскурсию ездили?

— Ага.

— Может, одного из тех артиллеристов.

— Ага, может,— тихо согласился Витька.

Потом долго в молчаливом раздумье стояли мальчики возле дубка. Каждый думал об одном и том же: о неизвестных героях-артиллеристах, об их последнем бое, о Пожарнице, спрятавшей столько тайн в своих чащах и не казавшейся им теперь такой уж неприступной и таинственной.

АКВАЛАНГИ ТЯНУТ ВНИЗ

*Север — юг, восток — запад. Новый киномеханик.
Клятва не состоялась. Три минуты под водой*

Начались летние школьные каникулы. Многие разъехались из деревни: Григорий Васильевич — на сессию в институт, Людка Мелешко куда-то в пионерский лагерь. Витька и Сережа посмеялись даже над Людкой, представив, как она, в белой панамке, с сачком, гоняется за бабочками. «Словно дитя малое. Ха-ха!..»

А не каждому и расскажешь о находке! Вот разве только Лютику?!

Но и Лютика дома не застали. Его брату-шахтеру орден дали, и Лютик поехал «пождлавить блата». Так сказала Сереже и Витьке, когда они зашли к Лютику, его младшая сестра, шепелявая Зинка. Лютик поздравит, как же! Нашли кого посылать. Лютик задачи хорошо решает, а говорить красиво не умеет. А тут надо сказать так, чтоб до сердца дошло. «Витька смог бы так сказать», — думает Сережа.

...Как-то зимой проходил пионерский сбор «Кем я хочу быть?». Людка Мелешко хотела стать агрономом. Лена Кудревич собиралась в космос. Лютику, конечно, нравилась шахта. Он так и сказал: «Буду шахтером».

А Витька... Витька удивил всех. Он потом даже изложение написал. Изложение зачитывали в обоих пятых классах, а затем поместили на стенде ученического творчества. «Профессии я еще не выбрал,— писал Витька.— Но хочу быть таким человеком, как мой папа... Счастье — в борьбе»,— совсем уж по-взрослому заканчивал он...

Мальчики возвращались от Лютика.

— Вить, а Вить, давай составим карту поиска, а?

— Какого поиска?

— Нашего, в котором мы были с тобой. По памяти.

— По памяти,— повторил Витька и взглянул на друга.— По памяти — это интересно,— и вдруг обрадовался Сережиному предложению: — А здорово, честное пионерское, здорово ты придумал. Айда ко мне. Мама на работе, а мы с тобой такую карту нарисуем, что самый известный штурман позавидует. Бежим!

Мальчики закрылись в Витькином доме. Витька достал альбом для рисования, линейку, цветные карандаши. Сели за стол.

И в этот момент со двора кто-то постучал в оконное стекло. Мальчики подскочили к окну. Никого не было. Только склонились над бумагой — снова стук.

— Я так не могу,— Витька отодвинул линейку в сторону.

— Ты рисуй, а я — на улицу, — заговорщицки подмигнул другу Сережа и на цыпочках выбежал в другую комнату. Когда постучали в третий раз, Витька даже головы не поднял. Он что-то чертил под линейку и прислушивался. Услышал, как тихо царапнул крючок на окне в другой комнате, где был Сережа. Слышно было затем, как окно раскрылось и Сережа спрыгнул в палисадник. Больше Витька ничего не слышал, увлекся картой.

А Сережа тем временем обежал дом и увидел во дворе Ленку Кудревич. Она стояла, спрятавшись за

стену. Вот протянула к окну руку, чтобы снова постучать, и тут:

— Стой! — крикнул Сережа и выскочил из-за угла.

Ленка вздрогнула от неожиданности.

— Ты что здесь делаешь? — грозно наступал на нее мальчик.

Девочка отпрянула назад. Она испуганно и виновато улыбалась.

— Чего тебе нужно? — продолжал наступать Сережа. — Ну, говори.

Ленка начинала постепенно осваиваться. Решила, видно, схитрить. Вместо того чтобы удирать, она поднесла палец к губам и прошептала:

— Тс-с-с.

— Что? — перешел на шепот и мальчик.

Девочка, еще раз оглянувшись по сторонам, снова приложила палец к губам. Потом тихонько сказала:

— А я что-то знаю...

Сережа разозлился. Что она дурочку строит!.. Попалась, а теперь выкрутиться хочет. У девчонок всегда так. Любят прикинуться, будто какую-то тайну знают. А потом выясняется, что ничего они и не знают, просто хотят перехитрить.

— Что тебе здесь нужно? — крикнул Сережа.

Ленка не обращала внимания на его грозный тон. Вот она запрыгала на одной ноге посреди двора и стала приговаривать:

— А я что-то зна-а-аю, а я что-то зна-а-аю...

— Задавака ты, Ленка. Ничего и не знаешь...

— А вот и знаю! Не веришь? А вот и знаю!..

— Ну и знай, мне совсем неинтересно, — махнул рукой Сережа. — За знания пятерки ставят, а ты и на тройку ничего не скажешь.

Ленке действительно нечего было сказать. Она перестала прыгать и хитро усмехнулась.

— А что вы делаете?
— Карту составляем.
— Карту? Какую?!
— У любопытной Варвары нос оторвали...— Подколол Сережа.

Девочка обиделась.

— Ну и составляйте,— сказала она и хотела пойти.
— Подожди,— задержал Сережа, а сам подумал:
«Сказать Ленке про их с Витькой поход или нет?»

В окне показался Витька, махнул рукой: заходите!
Когда Ленке рассказали про поход в Пожарницу, она пришла в восторг:

— Ой, здорово, мальчики!
— А теперь, Витька, покажи, что ты нарисовал! — протянул руку Сережа.

На широком листе бумаги вилась коричневая лента дороги и терялась между зелеными маленькими елочками. В глубине елочек был нарисован дом лесника. Недалеко от дома — кривой пунктир лесной дороги. В одном месте в стороне от пунктира лежала перевернутая маленькая каска.

— А где же березовая поляна? — спросила Ленка.
— Сейчас нарисуем, еще не успели,— ответил Сережа и взял из рук Витьки цветные карандаши.

— А где у вас север — юг, восток — запад? — не сдавалась Ленка.

— Где солнце всходит, там и восток,— не понял Витька.

— И с какой стороны у дерева веток меньше, а на коре мха больше,— там север,— поддержал его Сережа.

Ленка внимательно посмотрела на мальчиков и снова спросила:

— А на вашей карте где?
Действительно, на карте ни одна из сторон света не была определена.

— Эх, вы,— вздохнула Ленка,— в поход ходите, а

где восток и запад, не знаете. Ну, я пойду, а вы думайте,— сказала она и быстро вышла из дому.

Но думать почему-то больше не хотелось. Не хотелось заканчивать и карту. Наверное, потому, что начали ее составлять не с самого начала, не с определения сторон света, а может потому, что рассказали обо всем Ленке, и после этого как-то пропала охота к карте. Одним словом, решили мальчики закончить работу в другой раз, а сейчас пойти на речку.

Когда вышли на улицу, снова увидели Ленку. Она стояла с шепелявой Зинкой, сестрой Лютика. Девочки о чем-то шептались. Когда с ними поравнялись мальчики — замолчали. Как только Сережа и Витька прошли мимо, Зинка хихикнула:

— Геоглафию пошли учить...

Это было уже слишком. Ленка, наверное, почувствовала: ребята ей не простят того, что она рассказала про их дела, и пустилась наутек сразу, как только Зинка начала говорить. Витька и Сережа погнались за Ленкой.

— Давай, давай! — вдруг крикнул кто-то сзади. Витька остановился. Оглянулся и Сережа.

К ним подходил мужчина в белой рубашке.

— А чего она? — винсвато проговорил Витька.

— Правильно, правильно. Это же девчонка! — сказал мужчина, и ребята повеселели.

А незнакомец продолжал:

— Когда-то и я любил за девчонками гоняться. А сейчас жалею — разучился бегать,— прищелкнул он языком.

Вот так заступился. Мальчики покраснели.

Шли молча.

Незнакомец — с ними рядом.

— А кино вы любите? — вдруг спросил он.

Сережа и Витька переглянулись. Может, снова подколость хочет?

— А кто ж его не любит? — дипломатично ответил Сережа.

— Есть такие,— сказал незнакомец.

Нет, не может быть!

Во всем мире не сыщешь человека, который бы не любил смотреть кино.

— А вот и есть,— словно угадал их мысли незнакомец и закончил: — Моя бабка!

Витька засмеялся. Разве у такого большого дяди есть бабка?!

— Я пошутил,— помолчав, сказал незнакомец.— Вижу, ребята вы в общем неплохие... Давайте знакомиться! Меня зовут Андрей Иванович, или просто — дядя Андрей,— и пожал руки Витьке и Сереже.

На этом официальное знакомство и закончилось.

Дядя Андрей пошел к клубу, а мальчики стояли на улице и смотрели ему вслед.

— Завтра есть дневной сеанс. Приходите в кино! — оглянувшись, крикнул он.

— Новый киномеханик. Я его знаю, заходил вчера к нам. А квартировать он будет у Кудревичей,— сказал Сереже Витька.

Встретились друзья только через несколько дней. Сережа с отцом, колхозным шофером, возили в город раннюю капусту. И каждый раз выезжали на рассвете.

Не было времени навестить друга и у Витьки. Сначала он мастерил под навесом. Потом помогал матери подвозить на ферму зеленую подкормку коровам. За этими делами и бежало время.

...Витька ужинал, когда за окном послышался свист. Мальчик быстро допил молоко и — на улицу.

— На дождь собирается, долго не задерживайся,— только и успела сказать вдогонку мать.

А Витьку ждал уже Сережа.

На западе, в стороне Пожарницы, рокотала и перекатывалась громами гроза. Порывистый ветер рас-

качивал и трепал деревья, гнал перед собой пыль. Сыпанули первые крупные капли дождя.

Мальчики спрятались под навесом, но ветер нашел их и там. Побежали в сарай. По лестнице залезли на чердак. Частые капли, словно горох, стучали по крыше.

Дождь разошелся во всю силу. Молния осветила сквозь оконце в щитке квадрат покрытого тучами неба, и где-то совсем недалеко загредел гром.

Тревожно и радостно слушать грозу. Все живое будто сходится на одном тебе, а вокруг бушует стихия. Хорошо, когда рядом друг. Он чувствует то же, что и ты, понимает твои мысли.

— Витька, ты не боишься грозы? — спрашивает Сережа.

Тот не отвечает. О чем-то думает.

— Витька, а ты не боишься ночи?

— Нет, не боюсь, — вполголоса отвечает друг. — Ночь совсем не страшная.

— И к ветряку на горе можешь пойти?

— Могу.

— И через кладбище ночью пройдешь?

— Пройду, — говорит Витька и вздыхает. — Я один раз там ночевать хотел, возле папиной могилы, только мама запретила... Ведьмы да лешие — выдумка одна.

— Конечно, выдумка, — теперь уже говорит Сережа.

Ему жаль друга. Хочется хоть чем-нибудь утешить его.

— Витька, давай с тобой дружить будем. Всегда-всегда...

— Мы же и так дружим.

— А еще крепче будем. Давай клятву на дружбу дадим, а?

Сережа говорит...

В книжках написано, — он сам читал, — как когда-

то мальчишки клялись. Нарочно порежут пальцы, соединят свои порезы и... Говорят, нет клятвы сильнее той, что скреплена кровью.

— Зачем же пальцы резать? Лучше носы расквасить,— улыбается Витька.

— Поговоришь с тобой! — обиделся Сережа. — Я тебе как другу, а ты...

Над крышей сверкали молнии, гремел гром.

Противогаз Витька один разбирать не решался. Хоть и выпросил он его у лесника Сильвестра Яковенки, но без Сережи браться за работу не хотелось. Ведь договорились все делать вместе: и к дубку в каске весь класс повести, когда возвратится Григорий Васильевич, и противогаз переделать для подводного плавания.

Сначала надо закончить маску, которую они с Сережей начали делать раньше. Ту, что с электросварочным щитком вместо окуляров и которая лежит под навесом. Утром Сережа даже и пластилин принес, чтобы замазать щели, тогда вода не будет попадать.

...Витька приладил щиток, надел маску на руку и повертел ее со всех сторон. Маска напоминала небольшой мешок. Внизу стягивалась шнурком и завязывалась на шее. Витька постарался, чтобы этот мешок-маска был длиннее — для воздуха.

Затянул шнурок — и маска готова. Побежал в дом, сел перед будильником, надел маску на голову и завязал. Щиток был перед глазами. Сквозь тусклое стекло Витька следил за стрелкой часов. Сначала стрелка бежала довольно быстро, потом стала замедлять ход, словно кто-то ее сдерживал. Медленней и медленней. Тик-так, тик-так! Паузы между «тик-так» становились длиннее. Под маской стало жарко, как на полку в бане. Глаза заливал пот. Запотело и стекло в щитке. Сейчас сквозь него ничего не видно, даже часов.

Тик-так, тик-так,— все медленней тянулось время.

Витька выждал, пока тиктаканье не слилось в сплошной звон в ушах, и одним рывком растянул шнурок. Вдохнул полной грудью воздух. Взглянул на будильник.

Почти целых три минуты отсчитала стрелка: Три минуты можно быть под водой! Трех минут хватит, чтобы перейти реку по дну. Он осмотрит все, что делается там, под водой. Найдет норы раков, понаблюдает, где стоят, притаившись, окуни...

Ласты вышли не такими удачными, какими представлялись. Сначала Витька вырезал из фанеры два треугольника. В основах треугольников выпилил по два полукруга. Получилось нечто вроде трех зубов большой пилы. Средний зуб целый, а боковые — только половинки. С одной стороны прибил узкие планочки. На чердаке нашлись старые галоши, и Витька гвоздями поприбивал их с другой стороны фанеры. Всунул ноги в галоши и попробовал пройтись. Получилось здорово! А следы какие интересные, словно прошел огромный гусак. Жаль, что нет рядом Сережи.

Огородами Витька вышел на луг и пустился рысцой к реке. Выбрал укромное местечко. Снял майку, бросил на лозовый куст, надел свои ласты. Широко расставляя ноги, чтоб не зацепились, заковылял к берегу. Возле самой воды надел маску и ступил вперед.

Как назло, отмель была большая, и, пока Витька дошел до глубокого, под маской не осталось воздуха. Пришлось снимать маску и ласты и возвращаться назад, искать более удобное место. Нашел. Приготовился и нырнул.

За ноги сразу что-то сильно рвануло, едва не вывернуло ступни. Витька гребнул и почувствовал непривычную тяжесть. Взмах одной ногой, другой и... с правой сорвало ласт. Нога сначала стала в воде торчком, а потом повернулась ребром и разулась. Но это еще было полбеды. Витька почувствовал, как в маску потекла

вода и защекотал шею воздух, он пузырьками вырывался наверх. Левый ласт не хотел поворачиваться и тянул вниз. Витька правой ногой помог его снять. Всплыл наверх. Добрался до берега. Растянул шнурок.

ЗУБРОВКА — ЛЕКАРСТВЕННАЯ ТРАВА

*Находка в сомовьей яме. Землянка за фермой.
Тайны нет, если знают трое. Лесной призрак*

Видели ли вы, как выплывают из своего убежища сомы? Как крадутся вдоль берега, выслеживают добычу и молниеносно набрасываются на нее своими могучими тушами? Не видели? А посмотреть, как удирает сом от опасности, прижав к туловищу усы-антенны, кому не захочется?!

Не видел всего этого и Витька. Наслушался только. Больше от старого Матея.

Рассказывал как-то дед:

— Был это я дитенком. Гусей пас возле реки, а мужики в воде бултыхались, за сомом гонялись. Слишком уж разбойничал в то лето. Уток хватал. Решили поймать. Долго гонялись и загнали в омут, в яму. Сому что, он омутов не боится. Известное дело, рыба в воде! Жердями выкурили его как-то оттуда, на отмель погнали, — трогая обвисшие усы, рассказывал дед Матей. — Парень один — ну и ловкач же был! — умудрился вскочить на сома. А тот, словно жеребец с седоком, — в омут. Да и нырнул под воду! Вот где и смеху и страху было. Едва парень выбрался... И все же выловили того сома. Подогнали из деревни подводу, взвалили его и повезли. А хвост по земле тянется... Вот как. А сейчас, вижу, снова разбойник завелся, утят хватает. Нет, в нашей реке сомы не перевелись.

Мечтал и Витька. Уж если не поездить, как тот парень, то хотя бы погонять рыбину.

Назавтра Витька пошел к Сереже. А того дома нету. Обиделся, видно, и встречаться теперь не хочет. Зато, наверное, обиделся, что Витька не согласился клятву давать. «Надо было дать клятву. Никто из ребят не клялся, а мы бы поклялись. Напрасно я не захотел», — раздумывал Витька.

На реку он отправился один. Взял с собой маску. Миновал выгон, где малые ребята пасли гусей и играли в мяч. Некоторые из них купались на мелководье. Шум, гам, брызги. Всех мальков и подлещиков распугали. Где уж тут быть сому?

Пошел дальше.

За выгоном до самой Пожарницы тянулся сенокос. С весны на нем не пасли скотину, и трава выросла в пояс. Еще не так давно приносил сюда Витька своему отцу-косарю полдник.

Они садились в теньке поесть. Потом шли к омутам. По дороге отец вырезал длинную лозинку, привязывал к ней ремешок, а на ремешок цеплял бутылку из-под молока. Ложились на крутой травянистый берег, и отец сверху, словно удочку, забрасывал приспособление в воду. Бутылку раскручивало, и водоворот воды затягивал ее в кратер омута. Затем вода засасывала ее совсем. Тогда бутылку вытаскивали и пили воду. Прозрачную, холодную, с самого дна. В том месте били из-под земли ключи.

Теперь Витька один шел к знакомым омутам. А вот и они. Высокая желтая круча берега нависала козырьком над водой. Подмывая гравий, глубоко в берег врезался бурный водоворот.

Витька сбежал с кручи. Разделся. Почти у самой воды прошел несколько шагов против течения, чтобы подобраться к омуту. Надел маску, бросился в воду и поплыл. Почти до середины. Нырнул. Омут под водой надо было осмотреть издали. Ибо попадешь внезапно в водоворот, — как веревкой скрутит, не выберешься.

Не подплывая близко, Витька наблюдал.

Кроме толстого есдяного жгута, ксторый ввинчивался вниз, больше ничего не увидел. Прыгали вверх, словно серебристые рыбы, пузыри затянутого водой воздуха.

Мальчик подался назад от опасного места. Проплыл немного по течению. А под маской,— чувствовал уже,— не хватало воздуха. Натекло много воды. Быстрей выплыть, почувствовать под ногами дно! Ноги нащупали что-то и вдруг поскользнулись. Витька полетел в бездну. Пришел в себя, быстро-быстро начал грести руками. Вынырнул наверх и, вконец обессиленный, привалился спиной к нагретой песчаной стене. Дернул за шнурок, но, очевидно, за более длинный его конец, потому что мокрый узел затянулся. Дышать было нечем, и Витька схватил обеими руками, разорвал и стянул маску. И ослеп от солнца. Таким оно было ярким после темноты.

Долго сидел, вытянув на песке ноги. Отдышался.

«Что бы это могло быть? Откуда здесь яма? И нет в ней ни водоворота, ни ключа?» — думал Витька и постепенно начинал понимать, что это старый омут. Ключ заплыл песком, а омут перетянуло дальше. В этой яме должна быть рыба, должна! Она любит постоять в тихой, прогретой солнцем воде. А если есть рыба, то где-то здесь водятся и сомы. Навряд ли они откажутся от такой укромной кваргиры.

Чем дольше рассуждал сам с собой Витька, тем больше верил, что это и есть настоящая сомовья яма. Возможно, единственная на реке. Та, которую искал...

Но на чем же он поскользнулся? Нога наступила на что-то твердое. Да, да, на твердое и скользкое. Надо внимательно осмотреть тот предмет, что попался под ноги.

Отдохнув на берегу, нагретый на жарком солнце, Витька собрался снова под воду.

На этот раз нырнул без маски. Без нее было даже удобней. Не нужно через каждые две-три минуты вылезать на берег, снимать ее, чтобы отдышаться. А так вынырнул, глотнул воздуха и — снова вниз!

В том месте, где наступил на что-то твердое и скользкое, Витька сейчас ничего не нашел. Ползал по дну вокруг ямы, щупал руками. Когда начинало распирать грудь от того, что не хватало воздуха, отталкивался ногами о дно и выскакивал на поверхность, ложился на спину и отдыхал — затем снова нырял.

Таинственный предмет словно в воду канул. «Конечно, в воду, куда же еще», — думал улыбаясь мальчик. Он решил хорошо отдохнуть и как следует осмотреть дно ямы.

Вылез на берег, сел. Обсыпал горячим песком ноги, подгреб под голову и блаженно растянулся. Лежал около получаса. Глядел в высокое синее небо, будто закиданное пушистыми комочками ваты.

Потом снова нырнул. И так удачно, что руки сразу прикоснулись к какому-то предмету. Витька лихорадочно ощупал его со всех сторон. Предмет был похож на ящичек.

Мальчик выныривал, чтобы набрать воздуха, и еще несколько раз опускался вниз. Раскрывал глаза. Вода непривычно резала. Но он же ясно видел в густой черноте ящичек. Ящичек с переносным ремнем, зацепленным с двух сторон за проушины!

Витька вылез на берег, быстро оделся и побежал в деревню.

Бросил под навес к предательским лапам теперь уже не нужную маску. Зашел в сени и услышал в доме разговор. «...Экспертиза установила одно, а кое-кто утверждает другое. Не говорил ли он вам, Марина Осиповна, чего-нибудь?» — спрашивал мужской голос, довольно знакомый. Но узнать, кто это, не было времени. И тут услышал ответ матери: «Что-то тревожило его,

подтверждение каким-то своим догадкам искал в Пожарнице, но чтобы сказать...»

Витька открыл дверь.

За столом друг против друга сидели мать и новый киномеханик, дядя Андрей. Говорили, очевидно, об отце. Потому что в глазах мамы стояли слезы, а на столе, у нее под руками, лежала фотография отца.

Разговор прервался.

Дядя Андрей стал прощаться.

— Так я еще к вам загляну, можно? — уходя, спросил он.

— Приходите, — кивнула головой мать.

Витька вскоре тоже ушел из дому. Ему очень хотелось кому-нибудь рассказать о находке. Немедленно! Может, сходить к Сереже? А если он подумает, что прощения пришел просить? Нет уж, лучше подождать. А кому ж тогда рассказать о ящичке?!

Пока Витька раздумывал, Сережа примчался сам. Возбужденный такой! Не то испуганный, не то радостный.

— Ты сидишь, а на свете такое творится! Такое творится! — закричал он.

У Витьки только одно не выходило из головы — ящичек! Находка в сомовьей яме. Но новость, о которой сообщил Сережа, просто ошеломила его. И Витька на некоторое время забыл обо всем.

— В лесу за фермой землянку нашли!

— Что-о?

— Землянку, говорю. Я сам бегал, смотрел. Вот такая! — раскинул Сережа руки в стороны.

Какая «вот такая», Витька не представлял. Надо посмотреть. А вдруг партизанская землянка?!

Прибежали. Около выворотня топтались двое девчат-доярок и милиционер.

Витька взглянул и разочаровался. Пустят же слух: землянка, землянка! Обыкновенный выворотень, заки-

данный валежником. Это, наверное, доярки шум подняли. И милиционера позвали. Зачем?!

Вскоре сюда продрался сквозь густой сосняк, росший вокруг, и новый киномеханик.

— Здравствуйте, девушки! — поздоровался с доярками, кивнул милиционеру. — Приехал вот в кино пригласить, афишу привез. Да прослышал, что вы лес корчуете. Оставил велосипед возле фермы и — сюда, — обходя поваленное дерево, шутил он.

Девушки засмущались. Милиционер полез в сумку доставать какие-то бумаги.

— Обыкновенная лисья нора. Строила, да не понравилось, — разбрасывая галежник, говорил киномеханик. Он добрался до вскопанного желтого песка, заглянул под вывернутый корч, пнул туда сапогом.

— Может, кто прятал здесь что-нибудь? Зачем же хвостом забрасывать? — не сдавались девчата.

Новый киномеханик подмигнул им:

— А нору волк забросал, чтобы медведь не дознался, где волчья кума живет.

— Да ну вас! — зарделись девушки и пошли на ферму.

— А в кино придете? — уже вдогонку крикнул киномеханик.

Девчата прыснули со смеху и, отвернувшись, ответили:

— Придем.

С новым киномехаником, дядей Андреем, было просто и хорошо. От фермы мальчики возвращались в деревню вместе. Разговор как-то сам собой завязался. Велосипед киномеханик отдал Витьке, и тот вел его осторожно, боясь выпустить из рук. Сережа держался за багажник.

Интересные и смешные истории рассказывал новый знакомый. Похвалил мальчиков за их поход в лес, за то, что нашли дубок в каске. Об этом ему, наверное,

рассказала Ленка. Кто ж еще! Ведь предупреждали: «Молчи. Пойдем через день-другой снова в лес. Может, и бункер № 7 найдем!» Зачем же наперед хвалиться взрослым? А она что наделала!..

— Надо, чтобы там обязательно побывали все ребята,— говорил мальчикам киномеханик. Особенно заинтересовался он письмом из Германии.— А у кого оно?

— У Григория Васильевича, нашего учителя. Только его теперь нету дома, на экзаменах он,— ответил Сережа.

Киномеханик, как показалось, помрачнел. Попросил подробно пересказать содержание письма. И мальчики, перебивая и дополняя друг друга, рассказали.

— А откуда вы, дядя Андрей, знаете про наш с Сережей поход в Пожарницу? — не выдержал и спросил у киномеханика Витька.

Правда, это было интересно: откуда знал дядя Андрей.

— Сказать? — переспросил он.

Мальчики кивнули. Но он только покачал головой.

— Нет, не скажу. Лучше буду знать один. Тайны нет, когда знают о ней трое. Вот так у вас с картой получилось. Тайну надо крепко сохранять, открывать только тому, кому веришь...

Возле клуба киномеханик подал им руку на прощание.

— Ну, бывайте.

Витька с Сережей уже дошли до середины площади, когда вдруг он окликнул их:

— Ребята, подождите!

Друзья приостановились.

— Чуть не забыл,— подошел киномеханик.— Всю дорогу думал сказать. Вы бы, может, подбегали ко мне. Помогать. Ленты перемотать, афиши расклеить, а?

Мальчики обрадовались: конечно, можно помочь! И ленты перемотать, и афиши расклеить. Разве это тяжело?!

— Ну вот и хорошо. Но, ребята, это не все. Есть у меня и еще одна просьба...— Киномеханик отвел взгляд, подумал. Колебался, говорить ли.

— Говорите, дядя Андрей,— сказал Сережа.

— Если сможем, сделаем, правда,— поддержал друга Витька.

— Конечно, сможете. Поручать только не хотелось бы... Но я вам верю. Верю! — посмотрел он на мальчиков.— Ладно, так и быть, заходите завтра ко мне, скажу,— и направился к Кудревичам.

Навстречу со двора выходила Ленка Кудревич, и друзья подождали, пока она подойдет к ним.

— Где вы были целый день? — поинтересовалась Ленка.

Сережа приложил палец к губам, как это недавно делала сама Ленка, оглянулся по сторонам и зашикал:

— Чш-ш-ш!

— Что? — насторожилась девочка.

— В лесу за фермой медведя нашли.

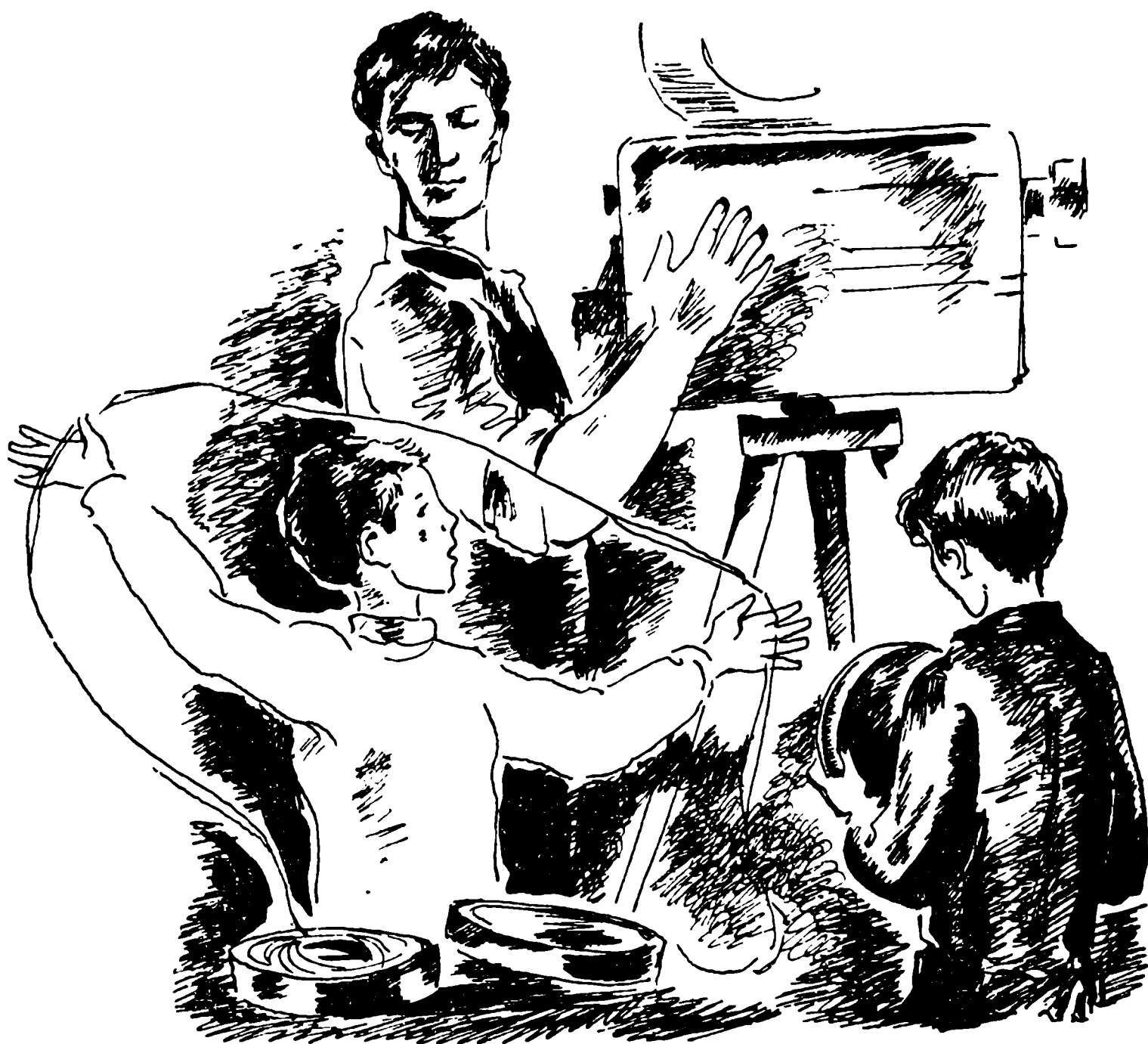
— Ой! — испугалась она.

— Вот тебе и «ой»! — вступил в разговор Витька.— Вот такого, вот! — во всю ширину раскинул он руки.

— Только ты никому ни-ни! — предупредил Сережа.

— Что вы,— зашептала девочка. Казалось, от страха у нее даже голос пропал.

Ленка кинулась домой, а мальчики притаились за оградой. Наблюдали, как Ленка, оставив незакрытой калитку, стала что-то говорить новому засмужскому киномеханику. Дядя Андрей в это время умывался под умывальником во дворе. Ленка показала в сторону Пожарницы, а затем раскинула во всю ширину руки. Точно так же, как это делал только что Витька.

Мальчики рассмеялись. Они были довольны, что так здорово проучили Ленку.

— Тайны нет, когда о ней знают трое, — повторил слова киномеханика Сережа.

— И когда третий — девчонка, — добавил Витька. Этим он исключал дядю Андрея. Мужчине можно рассказать, если он будет и третьим.

Сережа понял друга.

Назавтра как ни старались друзья пораньше попасть к Кудревичам, а киномеханика дома не застали. Он уже был в клубе. Встретил мальчиков приветливо, поздоровался за руку и повел в кинобудку.

Витька и Сережа впервые видели так близко кино-

аппаратуру. Блестящие рычажки, ручки, стеклышки. Дядя Андрей предупредил:

— Не сломайте там чего-нибудь.

Не маленькие, не ломают!.. Рассматривали проекционный аппарат, кадры на свет, перематывали ленты. А какие кадры узкие и маленькие! И на каждом почти одно и то же. Совсем не так, как в диафильме.

Киномеханик объяснял, что к чему.

Когда вся кинолента была перемотана и мальчики присели на скамейку, сел между ними и киномеханик.

— Вот что, друзья. Есть у меня один товарищ. Хороший товарищ, дружим с детства,— начал он.

«Ну и что?» — подумал Витька.

«Где ж тут тайна?» — хотел спросить Сережа.

Но оба слушали, не перебивали.

— Так вот, этот мой добрый товарищ болеет. Врачи говорят, что ему может помочь одна трава. Зубровкой называется.

— Есть такая трава,— подтвердил Сережа.

— Мы ее для гербария собирали. На той самой березовой поляне. Помнишь, Сережа? — сказал Витька.

— На какой поляне? — переспросил киномеханик.

— Поляна есть такая, березами окружена. Неподалеку от дома лесника,— объяснил Витька.

— Там, где живет Сильвестр Яковенко? — уточнил дядя Андрей.

— Ага, там недалеко,— кивнул головой Сережа.

— Только, ребята, зубровка не для гербария нужна. Так что на ту поляну не раз и не два сходить придется. Если вы согласны, конечно.

Мальчики были согласны. Правда, они думали, что услышат более интересное, чем просьбу собирать траву. Но что поделаешь, если у киномеханика не нашлось ничего другого. Самим придется удивить его.

— Сейчас мы пойдем с Витькой поднимать клад из сомовьей ямы,— похвалился Сережа.

— Ага, целую корзину золота,— сказал Витька. Мальчишки рассмеялись.

— Ну, ну, расскажите, где вам так повезло?

Эх, Витька, надо было тебе про золото говорить! Кто же так шутит со взрослым? А теперь говори правду.

И Витька рассказал.

Пожалели ребята потом, что признались, да поздно было. Вместе с ними на реку искать ящичек в сомовьей яме напросился и новый киномеханик. Будто в клубе у него не было другой работы.

В сомовьей яме, однако, того черного ящичка не нашли. Наверное, водой смыло и погнало по течению. Река большая, разве найдешь? И хорошо, что не нашли. А то разошелся киномеханик. Всю дорогу, пока ехали втроем на велосипеде, не унимался: «И у меня такой небольшой ящичек пропал. Черный, с ремешком. Может, это мой и есть?» А тут нá тебе! Ныряли, ныряли — и не нашли.

— Вы, ребята, никому о ящичке не рассказывайте,— назидательно говорил киномеханик.— Потому что скажут: выдумали. А тут, брат, на чужой язык только попадись,— отъезжая, подмигнул он Сереже и Витьке.

Уехал.

А мальчишки остались. Нанырялись, разыскивая Витькину находку, потом легли в траву на берегу. Слушали жаворонка над головой. Провожали птицу глазами, пока она не становилась маленькой точечкой, а затем не исчезала совсем. Удивительно, с максвое зернышко тот звонок, не уследить глазом, а песня на весь луг звенит.

— Не нравится мне что-то киномеханик. Сначала нравился, а теперь не нравится,— признался Витька.

Сережа согласился. Действительно, никак в нем не разберешься, в киномеханике. Все ему интересно, про

все он знает. Даже где зубровка растет. Если знаешь, так иди сам и рви. Нет, вы сходите! Если б не пообещали, ни за что не пошли бы. А так придется идти.

Назавтра в полдень они снова направились в Пожарницу.

Сначала пошли взглянуть на дубок в каске.

Из Засмужья пришли к забытой лесной дороге. Она была все такой же: глухая, заросшая травой. И высокие старые ели по сторонам — те же. Шумели островерхими вершинами да покачивали, словно серьгами, набухшими смолой шишками. Место глухое, что тут изменится?

В рыжей от ржавчины каске не было ни песчинки. Только муравьи забрались в середину. Пусть ползают. Вреда они не принесут.

Посидели мальчики немного возле дубка да и пошли с лукошками бором. Вон девчата-ягодницы сколько уж дней подряд приносят землянику. Надо и им набрать немного ягод. На березовую поляну успеют и к вечеру. Никуда не убежит. Сначала насобирают ягод, а когда наполнят лукошки, нарвут зубровки и прикроют ею ягоды сверху.

На высоком суходоле попали на ягодное место. Мелколесье, росшее здесь, казалось, потонуло в земляничнике. Загляни под широкие листья — все обсыпано ягодами. Красными, сочными.

Поставили лукошки, а сами собирали ягоды и полными горстями бросали в рот. Ели, пока не нагнали оскомину. Потом свернули из тонкой ольхи кору и сделали кузовки-набиралки. В них и собирали. Кто быстрее. Так разохотились, что и о времени забыли. Только тогда, когда солнце запуталось лучами в верхушках деревьев, а лукошки были полными, мальчики стали искать березовую поляну.

Пошли, как предполагали, напрямик, а попали в заросшее ольхой моховое болото. Стали выбираться обратно и на одной из кочек нашли интересное гнездо. Белые остроконечные яички лежали прямо на кочке. Но задерживаться здесь не было времени. Мальчики постарались запомнить это место и двинулись дальше. Вечерело, и они спешили.

Почти всегда, когда спешишь, получается что-то не так. Вот и Витька с Сережей, изрядно покружив по лесу, неожиданно вышли к дому лесника. Между деревьев уже проглядывали стены строения. Вдруг Сережа остановился как вкопанный.

— Смотри, смотри,— потянул он за руку друга.

Среди деревьев мелькнула чья-то фигура.

— Новый киномеханик. Честное пионерское,— негромко проговорил Сережа.

— Ха, киномеханик! Чего он здесь будет,— сказал Витька, но особенно не возражал Сереже, ибо и сам заметил чью-то фигуру среди деревьев. Не узнал только, кто.

Мальчики пробежали вперед, но нигде никого не было. Киномеханик исчез, словно призрак. Кинулись вправо — никого, влево — то же самое. Куда же он делся? Может, сам зубровку ищет? Так зачем прятаться? А может, он пришел в лес проследить, как они выполняют обещание? Если так, пускай следит!

И они пошли к дому лесника.

— А-а, следопыты? Заходите, заходите во двор.

Ребята зашли, только во двор ли, как говорил лесник, они и сами не знали. Никаких ни заборов, ни ворот около дома не было. Подошли к плоскому камню-порогу, на котором сидел хозяин и что-то строгал, поздоровались.

— Шомпол вот сломался, новый делаю,— сказал, словно отчитался, лесник и спросил: — За ягодами ходили?

— Ага, за ягодами,— ответили ребята.

— Ягод много. Еудто кровью земля сбрызгана... столько земляники,— проговорил лесник и замолчал.

Он с усердием строгал ореховую палку и словно не замечал мальчиков. Те переступали с ноги на ногу и не знали, как им быть дальше. Вот лесник встал, отряхнул стружки с колен. Вскинул новый шомпол и по-смстрел, прижмутив левый глаз, прямой ли? Отошел к колодцу, напился из ведра. Рукавом вытер бороду.

— Угощайтесь, дядя Сильвестр,— предложил ему свое лукошко с земляникой Сережа.

— Попробуйте ягод, берите из моего тоже,— сказал Витька.

— А-а, нет, спасибо,— отказался лесник.— Я в лесу живу, мои и ягоды первые. Несите домой. Что там нового, кстати, рассказали бы.

Мальчики оживились:

— Нашему земляку, который на шахтах, орден дали...

— И новый киномеханик у нас...

— Кто такой? — поднял глаза лесник.

Сережа хотел что-то сказать, но Витька моргнул ему: мол, не говори, пока сами не разобрались.

— Выходит, не знаете?

— А еще мы гнездо в лесу нашли,— чтобы исправить неловкость, сказал Сережа.

— Нет, не гнездо,— возразил Витька.

— Гнездо,— не сдавался Сережа.

— И совсем не гнездо...

— Так что же вы нашли? — поинтересовался лесник.

— Белые яички. Прямо на кочке лежат. Остроко-
нечные такие,— объяснил Сережа.

Лесника это заинтересовало:

— Белые, говорите? Остроконечные? На кочке? А в каком месте то гнездо?

— Совсем недалеко, — сказал Витька. — Шли и нашли.

— А-а, — прогудел свое обычное лесник. — Ведите, показывайте вашу находку.

Кочку с белыми остроконечными яичками отыскали быстро. Лесник опустился перед ней на колени, надрал в подол рубашки мха и начал перекладывать яички. Каждое подносил к глазам, вглядывался. Сережа и Витька из-за его спины тоже смотрели. Солнце уже было не ярким, но все равно сквозь белую скорлупу виднелись продолговатые черные полоски-жгутики.

Домой лесник возвращался, словно с праздника. Усмехался в бороду. Даже глаза под нависшими бровями посветлели.

Пришли, как говорил лесник, к нему во двор. Он вынес из сарая лохань и выложил все из подола. Лохань поставил на прогалину, куда не падала тень.

— Яички эти ужинные. Скоро рождаться будут, — потирал он свои короткие узловатые пальцы. — Приходите, полюбуется. А сейчас угостить бы вас за такой подарок, но, ей-богу, нечем. Не приготовлено, — говорил лесник.

— Мы не хотим есть, — сказал Витька. — Нам бы воды на дорогу напиться.

Лесник сходил к колодцу и принес полный ковш воды. Мальчики напились, поблагодарили и пошли через лес.

Зубровки в этот раз так и не нарвали. Домой вернулись поздно, и в наказание им запретили в ближайшие дни ходить в лес. Пусть поскучает один дубок в каске. Подождет и зубровка, а с ней и новый киномеханик. Тем более, остается загадкой, что он за человек.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

*Ужи вылупливаются из яичек. «Привет от Евы».
Кинемеханик — кто он? Тревожный сон*

Подаренный лесником противогаз мальчишки переделали под водолазное снаряжение. Вскрыли коробку, высыпали крупу активированного угля, выдрали белые прокладки. Пустую коробку закрыли крышкой. Вот и баллон для воздуха. Дырочку в дне забили деревянной пробкой. Везде, где могла просочиться вода, залепили пластилином. С маской только ничего не придумали — клапан пропускал воду. Но воздуха хватало, чтобы осмотреться на дне. Нет, получилось здорово!

Все дни теперь Сережа и Витька проводили на реке. Один отдыхал, а другой нырял. А что! Ходи себе по речному дну, выколупывай из песка моллюсков. Любуйся мальками. Мальки подплывают к самому лицу, тычутся своими толстыми рыльцами о стекло окуляров. Вот только в руки не даются, бросаются врассыпную. Река, словно огромный аквариум, и ты — посреди него. Бултыхайся, пока хватит воздуха в коробке противогаза.

Для деревенских мальчишек Сережа и Витька стали признанными авторитетами. Вся детвора Засмужья с восторгом наблюдала, как ныряют, а потом как важно они выходят на берег. Некоторым мальчишкам они даже давали свои водолазные приспособления, и те тоже ныряли. Восторгу тогда не было границ! Но Витька и Сережа не были особенно щедрыми, потому что и сами еще не натешились.

Вот и сейчас вышел из воды Витька и держит в руке черного усатого рака. Рак двигает хвостом, шевелит клешнями.

Витька сел возле Сережи, положил в сумку рака и стал снимать маску. Откуда ни возьмись — Лютик, Венька Новодворцев.

— Ребята, добрый день! — Лютик подал руку друзьям.

Младшие ребяташки с интересом поглядывали то на сумку, где копошились раки, то на Лютика, который так по-мужски здоровался.

— Марш отсюда, — притопнул на них Лютик, а сам присел рядом с Сережей. — Как вы тут, рассказывайте.

— Может, ты расскажешь, где пропадал столько времени? — спросил Витька.

— Во-первых, привет вам от брата. Скоро приедет в отпуск. Обещал в поход с нами пойти. Я ему рассказывал обо всем.

— Обо всем, — нахмурился Витька.

— Ага, — сбился Лютик, — и про фараона... — виновато признался он.

— А кто тебя просил? — разозлился Витька и, долго не думая, дал тумака Лютику. Тот вскочил.

— Ты драться?! — закричал Лютик и бросился на Витьку.

— Стойте, стойте! — подхватился Сережа. Да разве их уймешь! Все произошло мгновенно, и оба уже, сцепившись, качались по траве.

— Григорий Васильевич идет! — догадался крикнуть Сережа.

Григория Васильевича, конечно, нигде не было, но забияки, сопя и поправляя рубахи, поднялись с травы.

— И не стыдно вам! Дети смотрят, а они — драться.

Лютик и Витька все еще зло поглядывали друг на друга. Витька стал складывать противогаз в сумку.

— Задавалы вы, — отошел в сторону Лютик. — Думал сказать, а теперь не скажу. Сам все сделаю. Играйте себе вдвоем.

И пошел. Но не выдержал, оглянулся и уже без обиды крикнул:

— А знаете, что означает на латинском языке слово «лесной»?

Сережа и Витька переглянулись: откуда им знать? И откуда Лютик знает латинский язык? Они помолчали. А Лютик, важно заложив руки за спину, шел себе не торопясь. Но вот оглянулся еще раз и крикнул растерянным Сереже и Витьке:

— Сильвестр!

Что?! Сильвестр? А что бы это могло означать? Чего не договорил Лютик?

— Лю-у-тик! Вень-ка-а! — кричал Сережа, но Лютик не слышал или не захотел услышать.

— Напрасно ты обидел его, — сказал Сережа.

Витька виновато молчал. Ему тоже хотелось окликнуть Веньку, но сейчас Лютик не вернется, хоть и услышит. Витька знал его.

Так с испорченным настроением и вернулись мальчики вечером домой.

Сережа укладывался спать, когда «на один момент» забежал Витька.

— Ты не спишь? — спросил он шепотом. — Выйдем во двор, что-то скажу.

Сережа выбежал за другом.

Они сели у стены дома, и Витька начал рассказывать.

К ним снова приходил новый киномеханик. Беседовал с мамой. Наверное, про отца. Витька только догадывается, потому что сам не слышал. А потом киномеханик позвал его со двора:

— Что, Витя, не растет на березовой поляне зубровка?

— Растет.

— А я уже подумал, не растет. А вы, оказывается, просто не нарвали.

— Зачем же нам рвать, когда вы сами в лесу были. Мы видели вас возле дома дяди Яковенки.

А киномеханик этак удивился и отвечает:

— Что ты, Витя, нигде я не был. Вам, верно, показалось.

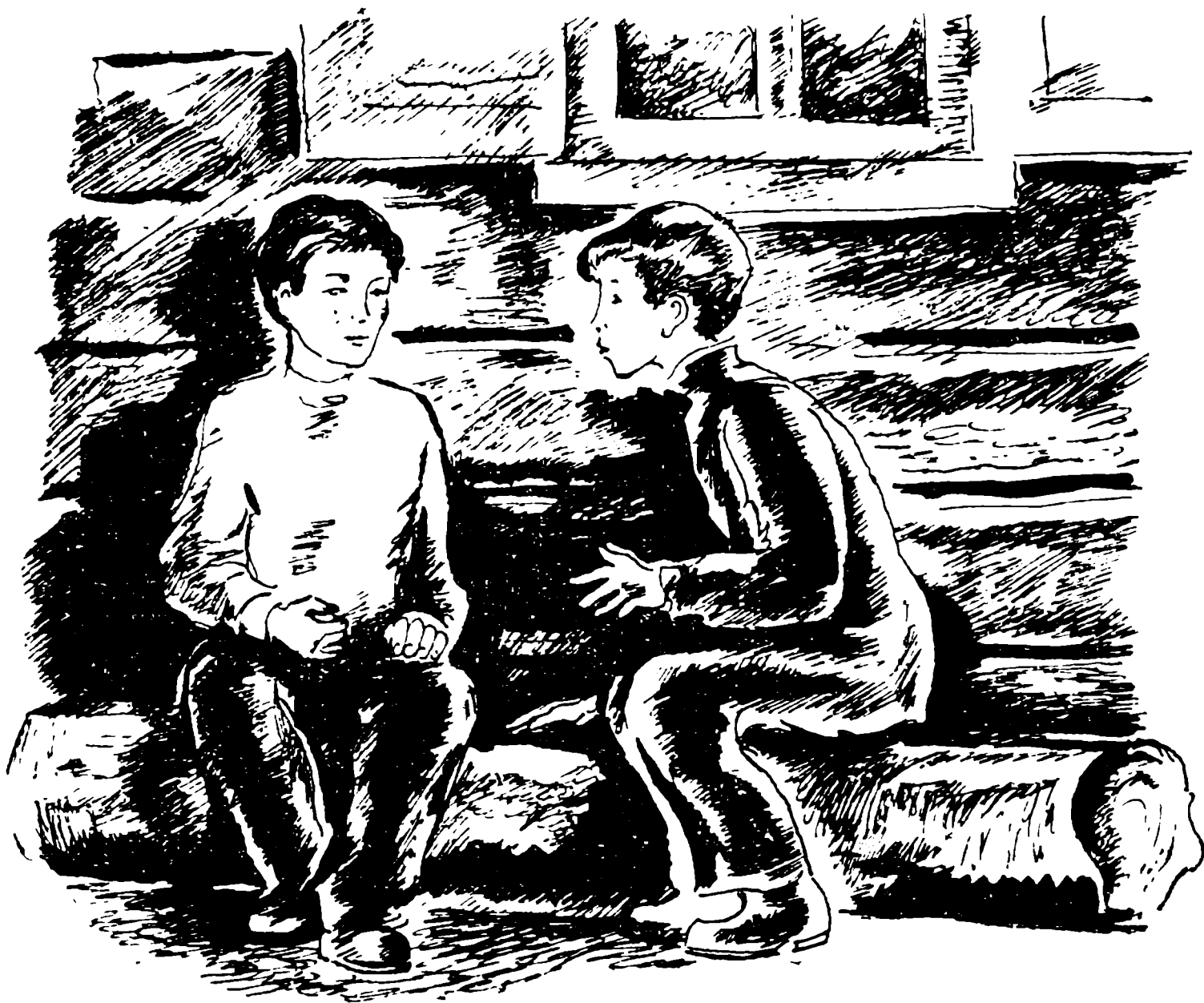
— Показалось! — передразнил Витя. — Своими глазами видели, что это был он.

— Да-а, — проговорил Сережа.

— А киномеханик потом и говорит: я человек новый, откуда мне знать, где кто живет? — пересказывал Витька.

Загадка! И не разгадаешь сразу: «Новый человек»? А землянку осматривать, небось, первым пришел. И ящичек в сомовьей яме хотел присвоить. «У меня такой же пропал, может, мой?» Ага, твой. Чего же он в реке оказался? Не признается, что и по лесу ходил...

— Сережа, а может, он следил за нами? Может, он высматривает что-нибудь у нас? — зашептал Витька.

— Вот и я подумал об этом,— ответил Сережа.— Кажется мне, Витька, не наш он человек, этот киномеханик. Только прикидывается нашим.

— Как это не наш?

— А так: или вор, или шпион...

— Ну, ты и скажешь — шпион!

Они еще долго сидели у стены. Решали, что делать. И надумались на завтра взять лукошки и пойти в лес будто за ягодами, а самим увидеть лесника и рассказать ему все, что они знают про нового киномеханика.

...Дома лесника не оказалось. И телега не стояла возле сарая. Поехал, наверное, осматривать лес.

Мальчики загрустили. Что делать?

Увидели знакомую лохань. Она стояла в другом месте. Солнце только-только приближалось к ней. Значит, дядя Яковенко поставил ее недавно, и с таким расчетом, чтобы не была в тени.

Сережа подошел к лохани, присел. И тут же вскочил. Стал плевать. Его затошнило.

Подбежал и Витька.

На подосланном мху лежали белые остроконечные яички. Некоторые были наколоты, скорлупа разломана. А в ней ползали резвые червячки. «Ужи! — присмотрелся Витька.— Ужи вылупливаются из яичек»,— и тоже сплюнул. Обоим стало невыносимо противно, и они пошли в лес. Так, без дела. Разве что зубровки поискать. Все же пообещали. А слово надо держать всегда.

Они ходили по лесу, даже не снимая с плеч лукошек. Каждый думал о своем: «Смотри-ка ты, из такой мелочи вырастает настоящий уж, вроде Антоши!», «Зачем дяде Яковенке разводить такую дрянь?»

Только под вечер нарвали они и сложили в пучки длинную, похожую на осоку, зубровку. Сворачивать

к дому лесника после увиденного днем не очень-то хотелось, но решили еще раз заглянуть к нелюдимому хозяину. Так, на всякий случай. Поговорить. Чтобы, не задерживаясь, вечером быть в Засмужье.

Уже подходя, увидели возле сарая телегу. Значит, дядя Сильвестр дома. Поспешили к нему.

И тут Витька так дернул Сережу за штанину, что тот упал рядом с приятелем, который первым бросился на землю.

— Тс-с-с! Молчи! — шепнул Витька и показал глазами в сторону дома.

Это было недалеко от них. Лесник нес из кустов охапку хвороста, а справа вдруг вышел какой-то человек и пошел за ним следом.

Витьке незнакомец показался плохим человеком. Чего это он крадется за лесником? И Витька решительно зашептал Сереже:

— Кричать надо! Он же убьет дядю Яковенку.

Но что-то сдержало Сережу. Не позволил он кричать и Витьке.

— Лежи. Тихо!

Вот незнакомец почти догнал лесника.

Казалось, человек хочет ударить его сзади по голове, и Витька намерился было вскочить. Но незнакомец не ударил.

— Привет от Евы! — сказал он леснику.

Лесник едва не споткнулся от неожиданности. Едва не выпустил из рук хворост. Тяжело повернулся лицом к незнакомцу. И удивительно спокойно ответил:

— Спасибо, давно не видел.

Незнакомец махнул рукой, и лесник пошел вперед.

— Ева дочку женит, сына замуж отдает.

— Когда свадьба?

— Свадьба по договоренности.

Лесник усмехнулся. Посторонившись, пропустил в сени незнакомца, вошел сам. Дверь закрылась.

— Ты что-нибудь понимаешь? — шепотом спросил Витька.

Сережа пожал плечами.

— Пока ничего. Но надо разузнать. Взглянуть на того незнакомца. Давай немного подождем и войдем в дом.

Ждали долго. Уже стемнело, а лампу в доме не зажигали. Может, беда какая случилась с дядей Сильвестром?

— Пошли,— поднялся Сережа.

Дверь была на запоре. Долго стучали, пока не слышался голос: «Сейчас, сейчас!» Звякнул запор, и в приоткрытую дверь просунулась черная борода лесника.

— Это мы, дядя Сильвестр! — заговорили мальчики.

— А-а, вижу, вижу,— сказал он.— Пришли — заходите, гостями будете.

Мальчики ступили из сеней в комнату и зажмурились после темноты.

Окна были завешены одеялами. Горела лампа. В печке весело потрескивали дрова.

— Я вот мыться собрался,— как бы оправдывался лесник,— воду грею. Вдруг слышу: стук. Кто бы это мог быть? — подумал. А это — вы!.. Хотя, кроме вас, ко мне и зайти некому.

«А мы видели, как к вам только что зашел человек. Где он?» — хотелось спросить Сереже.

— А мы,— начал он,— а мы к вам и днем заходили, дядя Сильвестр.

— А-а, смотри ты, не обошли. И что же вы здесь делали?

— Ужей в лохани поглядели и пошли,— добавил Витька.

— Появились, появились малыши,— заулыбался хозяин.

Мальчиков передернуло. Лесник понял, что ужата им неприятны, и начал объяснять:

— В лесу, скажу я вам, что? Собаку — волк схватит, кошку — лиса подстережет. А уж? Кому он нужен? Только пользу приносит, разных мошек, мышей ловит.

Мальчики со своими лукошками стояли посреди комнаты. Лесник суетился возле печки и садиться не приглашал. Он наклонялся над шестком, заглядывал в печь, будто огонь вот-вот мог погаснуть.

Молчание нарушил Витька.

— Мы хотим, дядя Сильвестр, попроситься у вас переночевать.

Сережа похолодел. «Кроме вас, ко мне и зайти некому». А незнакомец? И окна завешены. А Витька еще переночевать просится. Что он делает!

— Переночевать, оно, конечно, можно было бы, — помедлил с ответом лесник, — но, ведь я же говорю, мыться собрался.

— Значит, нельзя, — вздохнул Витька, — пошли, Сережа.

Лесник открыл перед ними двери из комнаты, из сеней. У порога посоветовал:

— Идите вот так, все время прямо. И выйдете на Засмужье.

Мальчики пошли в темноту. А лесник постоял еще, послушал, затем тихо прикрыл дверь. Запер изнутри на запор.

Как только немного отошли, Сережа остановил Витьку:

— Стой! Я останусь здесь наблюдать за домом, а ты беги в Засмужье. Скажи милиционеру о незнакомце. Беги!

Да где тут разбежишься! Ночь, темень! Но Витька побежал.

Сережа притаился за черным кустом.

Что-то в доме лесника, видно, изменилось, потому что вскоре слышался голос Яковенки.

— Хлопцы! — кричал лесник.

Сердце у Сережи заколотилось: «Хоть бы Витька услышал. Хоть бы откликнулся!»

— Хлопцы!

— А-а-а! — слышался издали голос друга.

Немного отлегло у Сережи от сердца.

— Идите сю-да-а! — звал лесник.

— И-де-ом!

«Молодчина!» — подумал Сережа.

Когда Витька поравнялся с кустом, Сережа вышел, сунул в руки ему его лукошко. Пошли рядом. Возле порога их встретил лесник.

— Далеко же вы маханули! — заметил он.

— Боялись, бегом бежали, — ответил Витька.

— Передумал я, хлопцы. Ночуйте. Время позднее, можно где и на волка напороться.

Мальчики вошли в дом. Поставили лукошки около двери, уселись на скамью. А лесник суетился уже возле шкафчика, собирал на стол ужин.

— Наверное, проголодались за целый день?

— Проголодались, — признался Витька.

Хоть и еда в рот не лезла, но мальчики добросовестно сидели за столом, ужинали. Сильвестр Яковенко подкладывал колбасу, хлеб, свежие огурцы. И все спрашивал, расспрашивал. Что нового в селе, где они были, что видели.

Чтобы отвлечь лесника от его расспросов, Сережа похвалился, мол, из противοгаза вышла хорошая водолазная маска. Лесник порадовался, но нить разговора не упустил.

— А долго ли вы, хлопцы, ходили возле дома? Может, кого-нибудь видели? — спросил он. А глаза, казалось, так и сверлили ребят. Не таким был лесник, каким они его знали. Не таким!

Сережа и Витька насторожились, но ответили:

— Ничего не видели и возле дома не останавливались, вошли сразу.

Сильвестр Яковенко немного успокоился.

Он постелил на той же койке за перегородкой, где однажды друзья уже спали. Затем вышел, закрыл дверь на задвижку. Но еще долго было слышно, как он возился возле печки, ходил по дому. Потом что-то зашуршало над столом. Туда — обратно, туда — обратно. Лесник чистил ружье.

Надо притвориться, что заснули. А как? Закрывать глаза. Потом притихнуть. Ибо, если лесник догадается, что за перегородкой прислушиваются к каждому его шороху — конец им!

Куда подевался тот незнакомец? Он же не выходил из дому. И на печи нет. А вдруг под койкой, на которой лежат мальчики? Мурашки бегали по телу от таких мыслей.

Словно невзначай, Витька, который лежит с краю, опускает руку вниз. Под койкой пусто. Он толкает Сережу в бок, будто говорит: «В нашей боковушке никого нет». И Сережа понимает Витьку. Мальчики начинают свободней дышать. Вот как, даже дышать бо-язно...

Прекратилось шуршание шомпола в стволе, и замерли за дощатой перегородкой шаги грузного и злого человека. Видимо, лесник прислушивался к тому, что делается в боковушке, спят ли мальчики.

Тревожно шумит лес. Его грозное баюканье врывается в душную темноту комнатки.

Но сон не идет.

Не думает ложиться и лесник. Как будто мальчики сговорились с ним: кто кого переборет, кто первым уснет.

Тихо. Гулко отбивают время ходики на стене. Сережа представляет себе, как бегают выпученные глаза

совы вверху над циферблатом. А вот ухнула за окном и настоящая, живая сова.

Снова ухнула, и снова забежали глаза у ее железной приятельницы за перегородкой, там, где лесник. Тик-так, тик-так,— то одним, то другим глазом подмигивает Сереже сова. А вот ползет, взбирается по ножке на койку живой ремень и холодом обжигает ноги. Сережа вскрикивает и раскрывает глаза. Весь в холодном поту. Стало нехорошо. Повернулся на другой бок. Прижался к Витьке. Монотонно шуршит шомпол. «Одичал один в лесу, каждый вечер ружье чистит. Привычка»,— уже без всякой связи думает Сережа о леснике. Шуршание затихает, затихает и превращается в далекий комариный писк. Охватывает дремота.

Сереже показалось, что заснул он всего лишь на одно мгновение, а проснулся — вокруг тишина. Пощупал возле себя. Нет Витьки! Где он делся? «Как же это я? В чужом доме, в такую страшную ночь?» — Холодное оцепенение пронизывает насквозь. Боязно пошевелиться. Веет холодком. А, раскрыто окно. В доме полная тишина. Где же Витька? Витьки нет, но во дворе, за раскрытым окном, возле стены, кто-то есть. Сережа поднял голову с подушки, глядит в темноту, в ту сторону, откуда веет холодком, где окно. Он, конечно, никого не видит, но чувствует — честное пионерское! — до звона в ушах чувствует, что за стеной, возле раскрытого настежь окна, кто-то есть. Сережа слышит, как этот кто-то снаружи ухватился за подоконник и перевалился в боковушку.

В сенях зашаркали осторожные шаги. Тоненько-тоненько скрипнули петли двери, и кто-то вошел в дом. Это случилось через несколько мгновений после того, как через окно перевалился в боковушку Витька,— это был он! — закрыл окно и нырнул под одеяло к Сереже.

— Это ты? — выдохнул Сережа.

— Я,— ответил Витька. И это «я» от тревоги и вол-

нения разбилось на длинную цепочку дрожащих «я-а-а-а-а».

Скрипнули петли двери, и Витька приложил пальцы к Сережиному рту: «Молчи!»

Притаились. Витька повернулся и засопел, будто спит. Но Сережа чувствовал, что друга всего трясет. Где он был, Витька?

...Лесник Сильвестр Яковенко долго чистил ружье, долго не раздевался, не лез на печь спать. Осторожно топал по дому, подходил к двери, за которой спали мальчики. Витька это слышал. Его слух уловил и какой-то подозрительный шорох возле подпечка. Подумалось, что выползает уж Антоша. До дрожи стало противно. Но на этот раз то был не уж, а человек, видно, тот незнакомец.

За дверью говорили, наверное, больше жестами, так как обрывки шепота донеслись всего два раза: «Лезь в нору...» — сказал лесник, а тот, другой, ответил: «Ночь... и так...»

Поговорив, тихонько и быстро вышли.

Сережа спал, и Витька не будил его. Еще начнет не пускать, отговаривать. Тогда все сорвется. А тут, за стеной,— преступник. Витька больше не сомневался, что в подпечке прятался преступник.

Куда они пойдут, что будут делать? Выследить — и сообщить немедленно. Сообщить милиции, в сельсовет, председателю колхоза, киномеханику — всем людям. Лишь бы только поскорей поймали преступника, лишь бы поскорей разобрались с этим страшным домом лесника. Бывает, что преступники заставляют и невинных людей служить им. Может, и этот заставил лесника и повел сейчас за собой?

Витька вылез через окно и осторожно начал пробираться за ними следом.

Первым шел лесник. За ним легким шагом натренированного ходока неслышно ступал незнакомец. Направление держали на березовую поляну. Возле сухого дерева остановились, присели и... исчезли. Витька — туда-сюда. Где же они? Темно, хоть глаз выколи. Так он ничего не найдет. От бессилия и отчаяния чуть не плакал. Вспомнил обрывки фраз, когда перешептывались в доме лесник с незнакомцем. Нора! Было слово «нора». Ну, конечно, из подпечка есть куда-то лаз. Наверное, сюда, где исчезли эти двое. Как он сразу не догадался!

Витька бросился назад. Осторожно, стараясь не шуметь, отомкнул и замкнул за собой дверь. Проделал все это точно, как лесник. Просунул в незастекленное оконце руку, нащупал шнур и потянул на себя. Со скрежетом отошла скоба. Витька шмыгнул в сени. Замкнул дверь, вскочил в комнату. В нерешительности остановился возле подпечка. Лезть было боязно и противно. А если и сейчас там Антоша?! Но из подпечка идет куда-то лаз. Ход, который ведет к тайне. Ну!

В подпечке Витька легко отыскал дверцу погреба. По лесенке спустился вниз. Нащупал в стене лаз. Пригнулся, пошел по нему. Лаз был оплетенным. На потолке прутья, очевидно, давно сгнили и прогнулись. Мальчик неосторожно касался их головой, и сверху сыпался песок.

Шел долго. Стало страшно, а вдруг лаз обвалится и он, Витька, не выберется отсюда, не узнает тайны.

Неожиданно нора кончилась, и он едва не упал. Вниз вели цементные ступени. Дальше идти побоялся, остался возле лаза, прижался к стене. Надо было осмотреться, разобраться, что к чему.

Потолок здесь был сводчатым. И вдруг Витька отчетливо услышал голоса лесника и незнакомца. Того, кто передавал привет от Евы и пошел за лесником в дом, а потом сидел в подпечке.

— ...За встречу оно и не помешало бы. Столько лет... Не так ли, штандартенфюрер? — говорил лесник.

Тот, второй, ответил как-то непонятно. Но вот что-то забулькало, звякнуло стекло. «Пьют водку», — догадался Витька.

Пока закусывали — молчали. Потом слышался трубный голос лесника.

— Как там, что у наших? Столько лет молчали. Думал, совсем забыли.

— Не с того мы, товарищ Козлюк...

— Яковенко, — поправил лесник.

— ...не с того мы, товарищ Яковенко, начинаем разговор, — сказал незнакомец и рассмеялся. — Если я твой гость, будь гостеприимным — сначала расскажи ты.

— О чем мне рассказывать? — отозвался лесник. — А, о том? Ну так спецотряд мы уничтожили быстро. Командира, капитана Петроченку, царство ему небесное, живым взяли. Допрос ничего не дал, завербовать не удалось. Поддержали пару дней. Тут же, в седьмом бункере, и — убили.

Снова забулькала водка в стаканах. И снова установилось недолгое молчание.

— Ну, дальше, — поторопил незнакомец.

— Документы мои были в порядке. Проверили записи в сумке начштаба. Записано: «Пленного Сильвестра Яковенку отбили во время расстрела». И приказ на мое зачисление в отряд есть. Все как следует. Сумку подбросили. Мы сами подбросили, конечно...

— Здорово мы тогда твой «расстрел» обставили, — снова рассмеялся незнакомец.

— А было, едва не влип, — начал вдруг лесник. — Тогда же, сразу... Прислали при отступлении трех немчиков. Надо было замаскировать вход в бункер. Замаскировали. Тогда я и говорю эсэсовцам: «Файер, файер», — расстрелять, мол, их надо, — и показываю на тех

строителей. Эсэсовцы мне: «О, гут, гут!» — и повели. Вскоре застрочили автоматы. Возвращаются назад и говорят: «Эндэ, эндэ!» Конец, мол, всем... Обманули, сволочи! Тогда я только одного немчика нашел. Лежал убитый под сосной. Второго я из колонны военнопленных выволок и расстрелял, уже когда пришли Советы. Конвоирам объяснил, что он, мол, мою семью загубил, в болоте утопил. «Судить надо было», — говорили конвоиры. Но пока разобрались, я и присудил ему пулю. Так и сошло... А бункер подлюги, строители немецкие, те, что замаскировывали вход, заминировать успели. Никто в спешке не заметил. Я потом мину нашел и обезвредил.

Тут лесник надолго замолчал. Что-то, наверное, припоминал.

(Не сказал он всего и своему гостю. Потом, когда уже допрашивали чекисты, признался «лесник», что и самим эсэсовцам вдогонку, когда они отходили, послал он очередь из автомата. Одним махом все концы — в воду.)

— Таскали после, допрашивали, как да что: почему весь отряд погиб, а я один в живых остался. «На засаду, — говорю, — напоролись, все и полегли». Прибился к другому отряду. А тут и «освобождение», — зарокотал глухой смех лесника.

— Хорошо вжился, — похвалил незнакомец.

— Но в другой раз едва не окончилась моя полесовщина, — продолжал лесник. — Года два назад завязал это дело.

— Что? — встревожился незнакомец.

— Из того отряда, в котором я «партизанство» свое завоевывал, человек был послан на связь со спецотрядом. Сопляк еще. Ну, пришел, а связаться не с кем. Вернулся, доложил. А у сопляка того все эти годы кошки на душе скребли.

— Ничего не нашел?

— И не найдет. Больше и искать не будет... Ева начала, а я кончил.

— Ева? — удивился незнакомец.

— Она, больше некому было.

Помолчали.

— Какая же это Ева? Ты что, себе помощницу завел? Без разрешения?

— Без разрешения! — передразнил лесник. — Испугался, что инструкцию нарушил! Не бойся. Есть у меня Ева, только не та, о которой ты подумал. Моя Ева под истлевшим пнем живет... Да не бойся ты, не отодвигайся. Я в своем уме... Гадюку я приметил, нору нашел. Ну и план созрел. Насыпал со всех сторон муравейников, чтобы через них никуда не переползла. И живет вот уже сколько лет, как в западне. Злая, подлюга. По целому грамму яда с зуба каждый раз снимаю. Она и ужалила связного. Лес вокруг. Куда ему деваться? Прискакал на одной ноге ко мне: «Помогите!» — «Сейчас, сейчас. Выпей вот травяной настойки, от укусов боль успокаивает». Выпил. А настойка — го-го-го! — зарокотал голос лесника, — на яде! Довез его до деревни, а он богу душу и отдал.

— М-м-м! — заскрежетал зубами Витька. Это же про его отца рассказывает лесник. Но этого Витькиного почти стога лесник с незнакомцем не слышали.

— Вот так и жил все эти годы, как в консервной банке, пока тебя дождался. Ну, а как вы там? — спрашивал лесник. — Кто из наших в живых остался?

— Мы, как видишь, живы-здоровы. Кто уцелел — все вместе. Поменяли немного профиль. А начальник тот же.

— Значит, Мюллер снова в начальниках ходит. У-у, паршивец, — возмутился лесник.

— Уважаемый Козлюк... — в голосе незнакомца послышался укор.

— Яковенко, — поправил лесник.

— Уважаемый Яковенко, за Мюллера держатся, потому что он специалист. У него есть основное — антикоммунизм... Как и у нас с тобой, кстати,— добавил незнакомец.

— Это так,— согласился лесник.— Слушаю тебя и удивляюсь: политиком ты стал, дипломатом. Я конкретно спрашиваю: как добрался? Может, с неба свалился? Какое задание привез? Надоело загнанным волком сидеть. Время и зубы показать.

— Вытащим тебя из консервной банки,— пообещал незнакомец.— Про задание и остальное — потом. А как добрался, ты отгадал: с неба свалился в грозовую ночь. Считай, из самого космоса...

— Вот как!.. А ведь грозовая ночь уже давненько была.

— Что делал это время, хочешь спросить? За тобой и твоей хатой наблюдал.

— Не доверял, значит?

— В нашем деле, сам знаешь...

— Это уж точно.

После некоторого молчания незнакомец поднялся. Хрустнули суставы. Значит, потянулся, зевнул,

— А ты не изменился. Даже привычка старая осталась. Помнишь, как на допросах твои ужи помогали? Пообещаешь гадюку за пазуху — и язык развязывается... Однако мерзкое это все же дело. Я бы не смог.

Лесник остался доволен похвалой. Кольнули его только последние слова. С раздражением ответил:

— И раньше ты называл их из «семейства подкожных» и теперь напомнить не забыл. Как себе хочешь, а без них не обойтись. Из нашего они, брат, рода.

— Ну-ну, не путай,— в свою очередь обиделся уже незнакомец.

— Ладно уж. Чего там,— успокоил его лесник.— Рассказывай лучше,— ты же когда-то говорун был,— с чем прилетел?

— Про остальное — потом... Иди спать, а я здесь побуду. Несколько ночей не спал.

— Ты заснешь, как же! Проверять меня еще полезешь... Не раскололся ли Козлюк, не побежит ли куда, — бубнил захмелевший лесник. — Не бойся, не продался...

Незнакомец довольно рассмеялся.

Лесник начал собираться домой.

Витя не стал их больше слушать, а бегом, чтобы опередить Яковенку, бросился назад.

Вылез из подпечка, выскочил из дома, замкнул за собой дверь. Издалека слышал шаги лесника и перемахнул через окно в боковушку. Забрался в постель рядом с Сережей...

Лесник зашел в дом, стащил с ног сапоги — глухо стукнули каблуки об пол. Потом осторожно щелкнула задвижка на двери боковушки, и хозяин вошел к мальчикам. Наклонился над койкой. Мальчики не шелохнулись, притворились спящими. А сами лежали ни живы ни мертвы. Будто током их пронзило, когда лесник умышленно кашлянул, прислушался, не проснулся ли кто.

Только когда закрылась за ним дверь, друзья вздохнули.

Лесник полез на печь. Сережа и Витя слышали — не спал он всю ночь, ворочался.

ГАДЮКА ДОХНЕТ ОТ ЯДА

*Вертолет над лесом. «Оса прилетела на мед».
Бункер № 7. Дым в колодце*

— Спасибо, спасибо, дяденька Сильвестр, завтракать мы не хотим. Рано еще. И так у вас почти сутки пробыли. А дома не предупредили, искать будут, — говорил Сережа.

— Наверное, уже ищут,— добавил Витька.

— А-а-а, ну, если ищут, не держу, идите,— проговорил лесник.

Мальчики покинули дом. Медленно вышли на тропинку. Оглянулись, помахали леснику на прощание. А он, приложив руку к глазам, внимательно смотрел им вслед.

Только когда деревья скрыли их, оба, и Витька и Сережа, бросились бежать со всех ног. Подальше от этого страшного дома, от черной тревожной ночи! Скорей к солнцу, на луг, в деревню к людям! Скорей найти милиционера, киномеханика... кого-нибудь...

А киномеханик был здесь, рядом. Он сам уже сколько ночей подряд следил за домом лесника. Видел, как зашли вечером к леснику мальчики и заночевали там. Видел, и как вышли они. Сейчас киномеханик забежал им наперед.

— Ну и ну! С ног сбились, пока искали, а они вот где! Лесовиками стали. Под какой елкой ночевали, а?

— Мы у лесника были...

— Дяденька Андрей, там полный дом шпионов,— наперебой заговорили мальчики.

— Ну и выдумщики вы, ребята.

— Шпионы, честное пионерское, шпионы! — взволнованно сказал Сережа.

— И лесник, и другой... Я слышал их разговор,— загорячился Витька.

— Так расскажите по порядку.

Мальчики рассказали.

— Ах! И надо же,— киномеханик стукнул себя по колену, он был чем-то взволнован.

— Дяденька Андрей, мы вам поможем, вы скажите только, что надо делать,— заговорили Сережа и Витя.

— Поможете? — посмотрел на них киномеханик.

— Все сделаем! — заверил Витька.— Вы только шпионов переловите.

Киномеханик достал блокнот, что-то написал в нем и вырвал листок.

— Возьми,— подал он записку Сереже, который стоял к нему ближе.— Здесь номер телефона. Если потеряете листок... (мальчики закачали головами, никогда, мол, такое не случится) — запомните номер. Бегите в деревню к милиционеру, пусть немедленно с городом свяжется. От моего имени, скажите. Только побыстрее. По телефону попросите Ваневича. Скажете: «Оса прилетела на мед». Запомнили? «Оса прилетела на мед». Бегите!

Мальчики помчались сломя голову. Только выбежали на опушку, как Витька вдруг остановился.

— Беги один,— сказал он Сереже.— А я — к дяде Андрею!

Сережа хотел что-то сказать Витьке, но только махнул рукой: ладно, пусть будет так. Нету времени! И мальчики разбежались в разные стороны: Витька — в лес к дяде Андрею, а Сережа — в деревню.

Милиционер был дома. Он внимательно выслушал Сережу, и они бросились на почту. Милиционер быстро дозвонился до города, назвал нужный номер и передал трубку мальчику, потому что Сережа даже ему не сказал, какие слова киномеханика надо передать какому-то Ваневичу.

— Вас слушают,— слышалось вдруг на том конце провода.

— Мне нужен Ваневич,— сказал Сережа.

— Ваневич сейчас подойдет.

Прошло несколько секунд.

— Ваневич слушает,— снова слышалось в трубке.

— Это вы Ваневич? — переспросил Сережа, а сам подумал: «Попробуй разобраться, если человека никогда в жизни в глаза не видел. Может, это не тот Ваневич?» — Вы знаете киномеханика? Он работает в Засмужье.

— Дядю Андрея? — спросил на другом конце провода все тот же голос. — Знаю.

Он!

— Я — Сережа! Меня послал дядя Андрей. Сам он в Пожарнице, возле дома лесника... Дядя Андрей просил передать: «Оса прилетела на мед»... «Оса прилетела на мед»! Поняли?

— Понял, понял, — взволнованно ответил Ваневич. — Сережа, алло, Сережа, скажи дяде Андрею, что мы высылаем вощину. Не забудь только, обязательно передай: высылаем вощину!

— Передам! — крикнул в трубку Сережа, и разговор на этом прервался.

Сережа, а за ним милиционер бросились в лес.

...На том месте, где дядя Андрей писал записку, они никого не застали. Где его искать, как передать слова Ваневича? И Витьки нет, исчез. Словно сквозь землю провалился.

Милиционер снял фуражку, вытер лоб, осмотрелся.

— Ясно, — сказал. — Они там, — и первым направился к дому лесника.

Сначала бежали, а возле самого дома стали подкрадываться. Вокруг тихо. Дверь в дом открыта. Милиционер, а за ним и Сережа легли на землю, спрятались за деревьями. Стали наблюдать за домом. А лесник все не выходил. Что такое? Обычно он боялся и на минуту оставить дверь открытой.

Сережа посмотрел по сторонам. В кустах, откуда лесник выносил вчера хворост, что-то шевелилось. Он показал милиционеру в ту сторону, и оба, пригибаясь, бросились туда.

Подбежали и увидели: на земле лежал лесник. С кляпом во рту, он мычал и крутил головой. А верхом на леснике сидел киномеханик. Он ту же стягивал ремнем скрученные за спину руки лесника. Ноги у того также были связаны.

Дядя Андрей вытер разбитую губу, увидел Сережу с милиционером и глазами показал в сторону дома.

— Ясно, — коротко ответил милиционер и с пистолетом в руке исчез в кустах.

— Ну? — киномеханик обратился уже к Сереже.

— Выслали вощину, дядя Андрей, — почему-то шепотом начал мальчик. — Сам Ваневич сказал: передайте дяде Андрею: «Высылаем вощину».

Киномеханик весело подмигнул мальчику и показал рукой на траву: садись.

Лесник лежал под кустом. Налитыми кровью глазами поглядывал то на киномеханика, то на Сережу, сидевших рядом. Смотрел он и в раскрытую дверь дома. Однако оттуда никто не показывался.

— Где Витька? — тихонько спросил у Сережи дядя Андрей.

Сережа растерялся, пожал плечами:

— Он к вам вернулся. Еще когда я бежал звонить...

В это время над лесом пролетел вертолет. Так низко, что даже верхушки деревьев закачались от его винтов. Киномеханик выхватил из кармана какой-то предмет, похожий на патрон от охотничьего ружья, только толще, и рванул за шнурок. Зашипела и рассыпалась в небе почти не видимая на солнце ракета. Вертолет повис на одном месте. Раскрылись дверцы, и из них выбросили веревочную лестницу. По ней на землю стали спускаться люди...

Где же Витька?

Потом Витька рассказал, что с ним произошло.

...С опушки, когда они с Сережей бежали звонить, мальчик вернулся на березовую поляну. Огляделся. Ага, кажется, нашел! Вон то сухое дерево. Здесь вдруг исчезли лесник и незнакомец ночью, когда он следил за ними.

Витька подбежал к большой кочке, запустил под нее руку и нащупал железное кольцо. Потянул на себя вместе с кольцом и что-то тяжелое, к чему кольцо было прикреплено. Приподнималась и кочка. Под ней оказалась крышка люка. Едва хватило сил открыть ее. Пролез в черную пасть и руками, поднятыми над головой, опустил крышку. Она гулко лязгнула. Испуганно побежало по подземелью эхо.

Мальчик поднялся на ноги, ощупал скользкие бетонные стены узкого коридора и пошел вперед. Первый коридор упирался в другой, более широкий. Справа вверх вели ступеньки, а за ними начиналась нора. Он узнал лаз и начал пробираться, держась за стены, в противоположную сторону. Увидел две железные двери. Одна, когда Витька привалился к ней, неожиданно подалась внутрь и заскрипела на ржавых петлях. Маль-

чик притаился. Было страшно, но не так, как в первый раз. В бункере, наверное, никого не было.

В одном углу бункера,— Витька уже не сомневался, что это был бункер,— мелькнул свет. Мальчик подкрался ближе. На столе, сбитом из досок, чадила копилка. Возле нее стоял какой-то аппарат с антенной и поблескивал зеленой лампочкой. Рядом лежали наушники. А под столом...

А под столом Витька увидел тот черный ящичек на переносном ремне, который был в сомовьей яме. Теперь он взял его и легко поднял, потому что тот был пуст. Словно насмехаясь над ним, мигала зеленая лампочка на столе.

Витька огляделся. Ослизлыми стенами со всех сторон смотрело на него подземелье. Бороздки в стенах затянуло плесенью. В одном месте бороздки образовывали пятиконечную звезду, а внизу было что-то написано. Мальчик протер надпись. «Н... выд...л Коз...к»,— прочитал он на стене нацарапанные чем-то острым буквы.

Вдруг по ступенькам начал скатываться камешек, и Витька шмыгнул из угла в ту дверь, которая недавно так предательски заскрипела. Она и сейчас ржаво запела на все подземелье. Витька закрылся, нащупал на двери задвижку и перекинул ее на скобу. Прижался к стене сбоку.

— Ты, Яковенко? — громко спросил незнакомец.

Витька молчал. Тогда тот навалился всем телом на дверь. Но она даже не скрипнула. И сразу же звонко ударило что-то по стали: незнакомец выстрелил в дверь, закричал и ошалело помчался по коридору к норе...

— Марченко, блокируйте все возможные ходы и выходы! Кравченя, берите людей и ищите мальчика!

А ты, Иванов, отконвоируй арестованного к вертолету,— отдавал приказы высокий человек в светлом плаще.

Когда люди разбежались, он заговорил с киномехаником. Первым, правда, начал дядя Андрей:

— Товарищ майор...

— Потом,— остановил его человек в плаще.— Когда нашел твердый след?

— Постепенно, Эдуард Петрович. Но тропинку под ногами почувствовал, когда посмотрел на землянку за фермой. Типичный шпионский тайник, только выпотрошенным был. И когда вот они,— показал на Сережу,— «черный ящичек» в речке нашли. Я докладывал...

Человек в плаще согласно кивнул головой и обратился к Сереже:

— Это ты мне звонил?

Сережа ответил:

— Я.

— Молодчина. И нашелся, как Ваневича проверить. «Не знаете ли вы,— говорит,— киномеханика из Засмужья?» — рассмеялся он.— Придется им настоящее подводное снаряжение выдать. Как думаете, товарищ старший лейтенант, выдадим?

— Надо выдать. Как премию,— согласился киномеханик.

— Но Витьке твоему сначала уши надерем,— сказал человек в плаще.— Как думаешь, следует?

Сережа опустил голову, покраснел.

Подбежал тот, кого называли Марченко.

— Так и есть, в подпечке — нора, товарищ майор,— доложил он.— Бросили спецшашку. От нее дым вниз тянет. Если там, быстро выкурим!

Первым подал сигнал Сережа.

— Дым! Смотрите, дым из колодца идет! — закричал он.

Туда уже бежали два чекиста. Дым из колодца крутнулся белым клубком, и почти в то же время за сруб ухватились чьи-то руки.

Чекисты вытащили из колодца незнакомца.

Оказалось, в колодце сбоку, в тыне откидывалась крышка. Лесник Сильвестр Яковенко, или, как его называл незнакомец, Козлюк, хотел перехитрить и своих сообщников. Он не сказал и этому, которого вытянули из колодца, про запасной выход — «лисью нору». Но гость был опытным шпионом. Ему не надо рассказывать сказки про бункер с одним потайным ходом. Когда почувствовал опасность, выстрелил в дверь, за которой кто-то был, бросил рацию и с пистолетом, на четвереньках пополз к запасному выходу, обнаруженному ночью после того, как расстался с Козлюком. Шпиона подгонял едкий дым. Незнакомец дополз по норе до колодца, толкнул люк в тыне и ухватился за сруб. И тут же его схватили наверху за руки, помогли вылезти.

А вскоре, давясь от дыма, чекист вынес на руках и Витьку.

В бункере мальчик не откликался, пока чекист не назвал имен Сережи, киномеханика, Ваневича. Последним усилием Витька открыл дверь и упал чекисту на руки.

Витьке дали прополоскать рот какой-то водой. Но ему все равно трудно дышалось. Он виновато поглядывал на всех, словно говорил: ничего, пройдет. Вскоре Витьке действительно стало значительно лучше. И когда обнаружили ту страшную гадюку, что жила под истлевшим пнем, вместе со всеми пошел уже смотреть и Витька.

Чекисты разворошили огромный муравейник и гадюку, зажатую в палке, сунули туда. Она вертелась, шипела, пытаясь вырваться, а потом цапнула себя за хвост.

— Вот так, ребята,— сказал Ваневич, человек в светлом плаще,— гадюки всегда дохнут от собственного яда.

Вечером, как обычно, в Засмужье было кино.

Сережа и Витка перед сеансом забежали на минуту в будку к киномеханику, чтобы попрощаться. Дядя Андрей завтра уезжал в город, к месту своей постоянной и нелегкой службы. Хотелось мальчикам рассказать ему последние новости. В деревню на отдых приехал известный шахтер, брат Лютика. А с Лютиком, Венькой Новодворцевым, они уже помирились. Вернулся с учебы и их классный руководитель Григорий Васильевич. Хотелось мальчикам еще рассказать дяде Андрею, что поведут они своих друзей к дубку, который разорвал корнями броню и растет в каске. Покажут и бункер № 7 и напишут потом письмо в Германию. Хорошее письмо.

СОДЕРЖАНИЕ

Друзья-товарищи <i>Был ли фараон буржуем? Письмо из Германии. В гостях у лесника. Дубок в каске . . . . .</i>	3
Акваланги тянут вниз <i>Север — юг, восток — запад. Новый киномеханик. Клятва не состоялась. Три минуты под водой . . . . .</i>	23
Зубровка — лекарственная трава <i>Находка в сомовьей яме. Землянка за фермой. Тайны нет, если знают трое. Лесной призрак . . . . .</i>	33
Страшная ночь <i>Ужи вылупливаются из яичек. «Привет от Евы». Киномеханик — кто он? Тревожный сон . . . . .</i>	48
Гадюкадохнетотяда <i>Вертолет над лесом. «Оса прилетела на мед». Бункер № 7. Дым в колодце . . . . .</i>	66

Владимир Андреевич Павлов

Тайна бункера № 7

Для детей среднего школьного возраста

Издательство «Мастацкая літаратура» Государственного комитета Совета Министров Белорусской ССР по печати. Минск, Ленинский проспект, 79.

Редактор В. Рудова. Художественный редактор В. Жиженко. Технический редактор Г. Федорук. Корректор Л. Пупко.

Сдано в набор 15/XI 1971 г. Подп. к печати 14/II 1972 г. Тираж 100 000 экз. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 3,5. Зак. 1025. Цена 12 коп.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров Белорусской ССР по печати. Минск, Красная, 23.

Павлов В.

Тайна бункера № 7. Повесть. Мн., «Мастацкая літаратура», 1972.

80 с. с илл. 100 000 экз., 12 к.

Как советские пионеры помогают чекистам выследить предателей, тех, кто в годы Отечественной войны продался немцам,— вот о чем рассказывается в этой повести. Время действия — пятидесятые годы.

На белорусском языке эта повесть издана в 1968 году под названием «Пожарница».

На республиканском конкурсе на лучшую книгу для детей, посвященном 50-летию Советского государства, 50-летию Белорусской ССР и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, повесть была отмечена третьей премией.

7-6-3

243-72

Бел2

П 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАСТАЦКАЯ ЛІТАРАТУРА»
выпускает в свет в 1972 году книги для детей
среднего школьного возраста:

Александрович С. На широкий простор. Повесть. На белорусском языке.

Арабей Л. Синий бор. Повесть. На белорусском языке.

Беспалый З. В лесной кладовой. Рассказы и зарисовки. На белорусском языке.

Боборико М. За круглым оконцем. Повесть. На русском языке.

Гомолко М. Две повести. На белорусском языке.

Заремба М. Загадка без разгадки. Повесть. На белорусском языке.

Сборник. Никогда не забудем. На русском языке.

Сборник. Пионеры-герои. На русском языке.

12 к.